Litra tura i marksizm

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕД. ИНСТИТУТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ, ХУДОЖ. И РЕЧЕВЫХ КУЛЬТУР (РАНИМХИРК)

ЛИТЕРАТУРА
и
МАРКСИЗМ

ЖУРНАЛ
ТЕОРИИ и ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ

1930:6

КНИГА ШЕСТАЯ

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
NOV 30 1938
LIBRARY

СЕКТОР НАУКИ НАРКОМПРОСА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. К. Добрынин — В. Шулятиков (из истории русской марксистской критики) . . . . . 3—44

Ю. Н. Добранов — Евг. Соловьев-Андреевич и его попытка создать первую марксистскую схему русской литературы . . . . . 45—56

Ф. П. Шиллер — Социологические течения в немецком литературоведении . . . . . 57—74

М. К. Добрынин — Акад. П. Н. Сакулин как историк литературы . . 75—85

ХРОНИКА (организация и план работы на 1930/31 г. РАНИМХИРК и ГАИС'а) . . . . . 86—98

Указатель статей, помещенных в журнале «Литература и марксизм» в 1930 г. . . . . 99—100

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕД. ИНСТИТУТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ, ХУДОЖ. И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУР (РАНИМХИРК)

ЛИТЕРАТУРА
И
МАРКСИЗМ

ЖУРНАЛ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ

КНИГА ШЕСТАЯ

СЕКТОР НАУКИ НАРКОМПРОСА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

Отпечатано
в 14 типографии
МОСПОЛИГРАФ
Варгунихина гора, 8.
Главлит А 86889
Гиз. № 44218 Тир. 4 000
Зак. 2179 6¼ п. л.
Ст. ф. А 148×210

М. К. Добрынин

В. М. ШУЛЯТИКОВ

(Из истории русской марксистской критики)

I

Зависимость идеологического развития от определенного состояния экономики может быть прослежена на любой идеологической форме, в том числе и на развитии самого марксизма. История марксизма В России лучше всего подтверждает тот факт, что идеология данного класса неразрывно связана «с его бытием, его повседневной борьбой. Законченное пролетарское мировоззрение, разработанное на Западе в живой связи с классовой борьбой рабочих, остается пустоцветом на русской почве, пока не назревает движение масс, оживляющее эту, до тех пор мертвую догму. Лишь по мере развития рабочего движения формальный русский марксизм наполняется реальным содержанием. Мало того, те чуждые пролетариату элементы, которые на ранней стадии хватаются за марксизм в целях, посторонних классовой борьбе рабочих, вынуждены отказаться от этого мировоззрения, как только пробуждающийся пролетариат начинает видеть в нем свое классовое мировоззрение.

Только с развитием рабочего движения русский марксизм перестал быть тем своеобразным, ублюдочным явлением, каким мы видели его в 70-х 80-х и даже 90-х годах в России, и стал марксизмом в общеевропейском смысле, т. е. учением социал-демократии» [1].

Это несомненно верная постановка вопроса, но она-то как раз и показывает, что в истории русского марксизма много своеобразного, зависящего, с одной стороны, от общего характера развития России, и с другой — от условий и хода развития русского рабочего класса. Эти особенности не кончились в тот момент, когда «формальный русский марксизм наполнился реальным содержанием», когда рус-

[1] П. Орловский — К истории марксизма в России. Сб. памяти К. Маркса, Петербург, 1918 г., стр. 151.

ский марксизм перестал быть «своеобразным, ублюдочным явлением», они приняли новую форму уже на новой почве. Развитие русского пролетариата, его положение и роль среди других классов несомненно сказались на характере русского марксизма, на отдельных течениях внутри его. Русский марксизм не стал монолитным течением с развитием рабочего движения и с превращением из формального в реальное учение; нет, он всегда имел внутри себя разные оттенки мысли, противоречие которых было для него движущим. В плане развития этого потока русской марксистской мысли, в ее своеобразии, вытекающем из характера положения пролетариата, и следует рассматривать характер, роль и значение отдельных представителей марксистской мысли в тех или иных областях. Только на общем фоне развития марксизма может быть до конца и правильно истолкован тот или иной марксист, только после об'яснения его ошибок и достижений из условий общественного бытия может быть понята их закономерность и выяснено значение его положительных сторон в нашей современности. Обращаясь к В. М. Шулятикову, мы и имеем ввиду, с одной стороны, выяснить место, занимаемое им в русском марксизме, и понять закономерность его ошибок и положительных сторон, а с другой стороны, выявить его место в нашей современности.

В истории русского марксизма В. М. Шулятиков не одинок, и его точки зрения и его деятельность тесно связаны с определенными группами марксистов. Достаточно напомнить, что В. М. Шулятиков являлся активным участником ряда сборников, в которых он выступает под одним флагом, с одними лозунгами с группой марксистов, как-то: В. М. Фриче, В. В. Воровский (П. Орловский), А. Богданов, В. Базаров, А. Луначарский, Ю. Стеклов и др.[2] Пути развития отдельных участников этой группы представляют много своеобразного, они разводят их в разные стороны, по разным лагерям (напр. В. Фриче и А. Богданов), но тогда у них было много общего, были общие ошибки и положительные стороны. Только история, только дальнейшее развитие рабочего движения, еще больше наполнившее русский

[2] См.: 1) «Очерки реалистического мировоззрения», СПБ., 1904, статьи С. Суворова, А. Луначарского, А. Богданова, Финн-Енотаевского, В. Шулятикова, В. Фриче и др.; 2) «Из истории новейшей русской литературы» М., 1910 г., статьи: В. Базарова, П. Орловского, В. Фриче, В. Шулятикова 3) «Кризис театра», М., 1908 г., статьи: Ю. Стеклова, В. Базарова, В. Шулятикова, В. Фриче, Чарского.

марксизм реальным содержанием, обнажило ошибки и заставило одних отказаться от них и стать на более верную точку зрения, других — углубить свои ошибки и, значит, уйти от марксизма совсем. В плане такого развития и должен быть рассмотрен В. М. Шулятиков.

Что представлял собою марксизм в то время, когда выступил В. Шулятиков? К какому поколению марксистов принадлежит он? Что связывает его с отдельными группами марксистов? Какое место занимает он в истории марксистской мысли? В чем его ошибки и как можно их социологически об'яснить? В чем неправа была критика В. Шулятикова и в чем его положительные стороны? Наконец, в чем можно видеть связь Шулятикова с современностью? — вот вопросы, которые встают перед нами при изучении В. М. Шулятикова в историческом разрезе.

Начало деятельности В. Шулятикова относится к концу 90-х и началу 900-х годов [3], т. е. к тому времени, когда русский марксизм переживал ревизионизм в легальной литературе и экономизм в практике и когда уже намечалась борьба за ортодоксию и создание программы русской социал-демократии.

Принимая активное участие в разработке марксизма, выступая как один из его борцов, В. Шулятиков формировался в период легального марксизма. Особенности марксистской мысли этого периода, обусловленные общим развитием жизни, имеются и у Шулятикова. Рост промышленного пролетариата и пролетаризации крестьянства, разочарова-

[3] В книге «Большевики Москвы 1905 г.», составленной Е. Левн («Моск. раб.», 1925 г.), находим следующие данные о В. М. Шулятикове: «Будучи студентом Московского университета, Шулятиков впервые подвергся обыску 27 октября 1897 г. по подозрению в сношениях с группою народовольцев... В 1902 г. 8 мая снова обыскан в Москве и арестован как причастный к кружку, поддерживавшему сношения с «лигой революционной социал-демократии», находившейся за границей... В том же году привлекался по делу комитета РСДРП за хранение и распространение революционных сочинений и выслан в Архангельскую губернию под гласный надзор на 3 года, 6 сентября 1905 г. по разрешению приезжает в Москву на 1 месяц, попадает под манифест и остается в Москве. С октября 1905 г. вступает в члены «литературно-лекторской группы» при МК. В 1908 г. был членом редакции московской подпольной большевистской газеты «Рабочее знамя» с № 6 и до конца ее существования. В 1909 г. участвовал на первом с'езде фабричных врачей от о-ва рабочих текстильного производства. Пришедший к нам от меньшевиков, оставался до конца своей жизни преданнейшим работником и товарищем. Умер от рака желудка в 1912 г.

ние интеллигенции в спасительных свойствах «народного» производства,— вот два фактора, которые сыграли решительную роль, по словам П. Орловского, в деле разрушения старых верований и подготовили литературное выступление 1894—1895 гг. и боевое 1896 г. Все последующие годы заполнены борьбой марксистов с народниками, в которой марксисты выступали общим фронтом, хотя среди них были ревизионисты, перешедшие потом от марксизма к идеализму. Книга П. Струве, критика ее К. Тулиным и Н. Бельтовым, книга Н. Бельтова — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» развернули и довели борьбу марксистов с народниками до ее кульминационного пункта. Тут же начало кризиса, начало разложения «легального» марксизма, развитие ревизионизма, борьба с которым составляет содержание следующего периода в истории русского марксизма. Таким образом, мы видим, что В. Шулятиков формировался в период работы группы «Освобождение труда» (80-е годы) и в период легального марксизма 90-х годов, в период самой ожесточенной борьбы с народниками. Следующий период (2-я половина 90-х годов), когда и выступил В. Шулятиков, «характеризуется пробуждением широких слоев рабочего класса. Рабочее движение, ограничившееся в предыдущий период почти только пропагандистскими кружками, вышло на улицу. Оно заявило себя первой массовой стачкой петербургских ткачей летом 1896 г. Это вторжение в общественную жизнь нового фактора, который до тех пор либо совсем не учитывали, либо учитывали как некоторую алгебраическую, а потому абстрактную величину, имело два крупных последствия. С одной стороны, оно обескровило окончательно народническую идеологию, разбитую теоретически марксистами. Теперь борьба против народничества, суб'ективизма и пр. с каждым днем теряла значение; «критическая» работа уступала место «органической» — созиданию социал-демократического мировоззрения и организации. С другой стороны, это же событие оказало сильное влияние на молодое поколение марксистов, сразу ставших лицом к лицу с широкой массой и в то же время недостаточно подготовленных и устойчивых теоретически, чтобы оплодотворить эту массу ее общими, классовыми лозунгами, а не просто отражать ее конкретные, злободневные требования»[4].

Указанные в этой цитате последствия имели значение для того поколения, к которому и принадлежал В. Шулятиков. На его глазах происходили разложение легального марксизма и эволюция легальных марк-

[4] П. Орловский (В. Воровский), цит. ст., стр. 139.

систов к идеализму, с одной стороны, и борьба экономистов с марксистами — с другой стороны. В борьбе против обоих течений и принял участие В. Шулятиков. Эволюция буржуазной интеллигенции, выступившей первоначально под флагом марксизма, закончилась ее отходом на классовые позиции буржуазии, что и было заявлено в сборнике «Проблемы идеализма» в 1903 г. Ответом со стороны марксистов был сборник «Очерки реалистического мировоззрения» с 1904 г., где В Шулятикову принадлежит статья «Восстановление разрушенной эстетики» (к критике идеалистических веяний в новейшей русской литературе). Четыре предшествующих года были заполнены литературными статьями в «Курьере». Втечение 1900—1903 гг. В. М. Шулятиков, чередуясь с В. М. Фриче, регулярно писал и печатал свои критические этюды в московской газете «Курьер». Тут сложилось и оформилось литературное мировоззрение Шулятикова, его методология. Нельзя сомневаться в том, что методология В. М. Шулятикова являлась приложением общих принципов марксизма к явлениям литературной жизни. Это была труднейшая задача, в разрешении которой естественно были срывы, было упрощенство и схематизация. Против мелкобуржуазного течения в марксизме — экономизме Шулятиков выступил несколько позже с брошюрой «Трэд-юнионистская опасность» (М., 1907 г.), где он подверг резкой критике ряд положений учения этой группы. Общие же задачи, которые стояли перед марксизмом в этот период, были: борьба с ревизионизмом, борьба за ортодоксию, создание программы, расширение его влияния, а затем охват им всех сторон идеологии, в частности задача захвата таких областей, как искусство и литература. Этими задачами, их характером и определяется характер работ отдельных марксистов и целых групп. Кроме Г. Плеханова, который вопросам искусства и литературы стал уделять внимание с 80—90-х годов (статья об Успенском в сборнике «Социал-демократ» за 1888 г., затем о Короленко в 1890 г., «Социал-демократ», кн. I, и т. д.), борьбу за марксизм на фронте искусства и литературы вела упомянутая выше группа, в состав которой входил и В. М. Шулятиков.

Эта группа решала задачи, выдвинутые общим ходом развития рабочего класса в России, а мера способности ее к их разрешению была обусловлена всем предшествующим развитием марксизма. Эти обстоятельства клали на ее работы определенный отпечаток. Если же учесть конкретную обстановку, при которой разрешались задачи, то станет

совершенно ясна закономерность характера, ошибки и положительные стороны как в работах всей группы, так и ее отдельных членов.

Само собой разумеется, что В. Шулятикова с другими марксистами связывало единство задач, над разрешением которых они работали, и единство способов, которыми они полагали их разрешить, т. е. единство мировоззрения. Поэтому, чтобы ответить на поставленный вопрос, мы установим единство исходных позиций В. Шулятикова с теми марксистами, с которыми он выступает в единстве как критик литературы. Это делается для того, чтобы выяснить, в чем генезис ошибочных воззрений В. Шулятикова в области литературной критики. Прежде всего бросается в глаза связь Шулятикова с А. Богдановым и С. Суворовым. Философские взгляды этих исследователей, равно как и совпадающие с ними взгляды В. Шулятикова, подверглись критике со стороны другой группы марксистов — Плеханова — Ленина. Нам нет надобности рассматривать критику Богданова и Суворова Плехановым и Лениным: для нас важно установить, с одной стороны, связь взглядов В. Шулятикова с ними и, с другой стороны, основания критики В. Шулятикова Плехановым. Ответ на эти два вопроса и покажет как связь Шулятикова с марксистскими группами, так и его место в истории марксизма в России.

В своей работе «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Маха)» Шулятиков исходит из совершенно правильной посылки о необходимости заниматься философией всем, кто вообще работает в области идеологии, и из того, что философия тесно связана со всеми взглядами, что ее нельзя оторвать от них, что она есть их основание. Эта точка зрения обща всему марксизму. Очень хорошо она была обоснована Энгельсом, указывавшим естествоиспытателям на то, что, относясь с презрением к философии, они оказываются в плену у самой скверной философии, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем[5]. Эту же мысль подчеркивал и Г. Плеханов, говоря о монизме марксизма и о необходимости изучать эклектизм, чтобы не впасть в эклектизм[6]. Таким образом, мысль о ценности философских посылок и о необходимости их изучения — общая всем мысль. Особенно остро стояла она в рассматриваемый период истории марксизма в России.

[5] Ф. Энгельс — Диалектика природы.

[6] См. Г. В. Плеханов — Предисловие к переводу «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса.

в период борьбы за ортодоксию, в период приобщения к марксизму широких слоев, следовательно усиленного давления и напора со стороны чуждых, мелкобуржуазных слоев. И если Г. Плеханов действительно отстаивал ортодоксальную точку зрения, то ряд философствовавших марксистов впадал или в эклектизм или в вульгаризацию и схематизм. Философские взгляды В. Шулятикова, взявшегося защищать марксистскую ортодоксию, и страдают последним.

> Философия не составляет счастливого исключения: на умозрительных «высотах» буржуазия остается верна себе, она говорит не о чем ином, как о своих ближайших классовых выгодах и стремлениях, но говорит очень своеобразным, трудно понимаемым языком. Все без остатка философские термины и формулы, с которыми она оперирует, все эти «понятия», «идеи», «воззрения», суб'екты, об'екты и т. д. служат ей для обозначения общественных классов, групп и их взаимоотношений. Имея дело с философской системой того или другого мыслителя, мы имеем дело с картиной классового строения общества, нарисованной с помощью условных знаков и воспроизводящей социальное profession de foi известной буржуазной группы [7].

Основы для такого воззрения заложены в той точке зрения, которая была уже намечена и впоследствии последовательно развивалась А. А. Богдановым [8]. Определенным периодам в развитии человечества соответствует определенный способ мышления. Таким образом, могут быть намечены следующие типы мышления:. авторитарный, отвлеченный фетишизм, трудовой или энергетический тип мышления. В схематическом виде это дается А. Богдановым в его философии живого опыта как резюме истории причинной связи в человеческом мышлении [9].

Да и сам В. Шулятиков ссылается на статью А. Богданова — «Авторитарное мышление» [10], в которой, в сущности говоря, заложены все последующие взгляды этого ученого. Если перевести на язык А. Богданова метод работы В. Шулятикова, то без большого труда мы увидим богдановскую теорию социоморфизма и постановки. Социоморфизм Богданов формулирует следующим образом: «Мышление берет свои формы в конечном счете из социальной практики»,— или иначе:

---

[7] В. Шулятиков — Оправдание капитализма в западноевропейской философии, М., 1908 г., стр. 6.

[8] А. Богданов — Курс идеологической науки.

[9] А. Богданов — Философия живого опыта, стр. 213–214, М., 1920 г.

[10] А. Богданов — «Из психологии общества», сб. статей.

«Связь элементов опыта в познании своей основой имеет соотношения элементов общественной активности в трудовом процессе»[11]. Этот метод познания мира сливается с другим, с подстановкой. Сущность подстановки сводится к тому, что «под одни явления подставляются другие, так что первые превращаются как бы в символы вторых, и затем вместо первых исследуются, группируются, вообще организуются вторые»[12]. «На этой подстановке основаны все житейские, научные и философские об'яснения». Новая форма причинности становится основой и об'яснением подстановки; возникающее таким образом единство метода и есть познавательное единство бытия. Рассматривая «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», не трудно видеть, что в основе этой работы как раз и лежат эти два момента: социоморфизм и подстановка, да притом в их упрощенном применении. В самом деле, в чем В. Шулятиков видит источник для философских систем? — В социальной практике. Как он подходит к их познанию? — Через подстановку под понятия и категории философии элементов классов и их взаимоотношения так, что первые становятся символами вторых. При всем этом работа производится более упрощенно, чем делал сам А. Богданов. Понятия материи и духа и их противопоставление есть не что иное, как особый «способ представления фактов», возникающий из антитезы организатора и исполнителя. Различные фазы отношения между организатором и исполнителем и обусловливают оттенки содержания философских понятий.

> По образу и подобию этого, действительно «освободившегося» от всякой близости к общественным «низам» и от «мелочных» забот верховного организатора мануфактурного предприятия и строится пресловутое представление об абсолютно свободной чистой духовной субстанции, о божестве, совершенно независимом от мира и противостоящем ему[13]. И дальше:
>
> Та же самая «возвышенная» позиция руководителей мануфактурных предприятий, которая внушила отцам новой философии «чистую» идею организаторской воли, подсказала им равным образом механическое об'яснение процессов материальной действительности, т. е. процессов, имеющих место в среде организуемой массы[14].

[11] А. Богданов — Философия живого опыта, стр. 229.

[12] А. Богданов — Там же, стр. 229.

[13] В. Шулятиков — Оправдание капитализма в западноевропейской философии, М., 1908 г., стр. 18.

[14] В. Шулятиков — там же, стр. 19.

Подобным образом В. Шулятиков рассматривает все философские системы, настаивая, что даже те из них, которые об'являли противоположение бога и мира, духа и тела **противоречивым**, все же не могли преодолеть дуализма и проводили его в замаскированном виде.

Все это только спор, ведущийся в рядах буржуазии, и разница здесь не качественная, а количественная. Буржуазный материализм сохраняет основную предпосылку метафизиков, но заменяет «дух» «силой».

Таковы философские воззрения, являющиеся символами мануфактурного способа производства. Разработка этих символов глубока. Как и следовало ожидать, с развитием мануфактурного способа производства В. Шулятиков связывает разработку философией ряда своих понятий. Так, философская разработка понятия о времени вызывается введением в мануфактуре единого для всех работников часа начала и окончания работ (стр. 31). «Декарт,— заявляет В. Шулятиков,— первый дал общую схему мануфактурной метафизики». Эта общая схема мануфактурной метафизики в изложении В. Шулятикова целиком соответствует авторитарному способу мышления и вырастающему из него понятию причинности по Богданову»[15]. Вслед за Декартом В. Шулятиков рассматривает Спинозу, который на

> «... своем специальном языке характеризовал внутреннее строение капиталистических предприятий и называл иерархию рабочих и иерархию промежуточных организаторских звеньев необходимой предпосылкой, жизненным нервом мануфактурного производства. Так это и было в действительности» (стр. 40). Но «если спинозовское миропонимание — песнь торжествующего капитала,— капитала, все поглощающего, все централизующего; если вне единой субстанции нет бытия, нет вещей: вне крупного, мануфактурного предприятия производители существовать не могут... если философия Спинозы есть апофеоз поглощения производителей мануфактурным капиталом, то философия Лейбница — апофеоз организационного строительства мануфактуристов. Лейбницев мир — это грандиозная мастерская с сложнейшей иерархией рабочих, подчиненных организаторов. Согласованность исполнительских процессов различных групп наблюдается полнейшая» (стр. 45).

Поучительным комментарием к философским системам мануфактурного периода Шулятиков считает философию Давида Юма. В основе

[15] См. Богданов—Философия живого опыта, М., 1920 г., стр. 213.

экономического миросозерцания Юма лежит, как мы отметили, динамическая оценка мануфактурного предприятия.

> Позиция философского скептицизма, занятая Юмом, отвечает именно подобному представлению о капиталистическом организме» (стр. 61). Следует отметить, что «мануфактура, апологетом которой выступает Юм, есть предприятие, достигшее высокой централизации своих составных элементов и фактов» (стр. 70). Это был тот тип мануфактурных предприятий, которые стояли на рубеже новой технико-хозяйственной эры (стр. 73). Если философские системы Декарта, Спинозы, Лейбница и Юма обусловлены «внутренним строением хозяйственных организаций, опиравшихся на базис детализированного труда» (стр. 74); если все они содержат «в себе описание ряда организуемых и организаторских звеньев и функций», то наивысшим выражением строения организаций мануфактурного хозяйства, наиболее подробным описанием организаторских звеньев и функций является система Канта. Отсюда такие понятия, как время, пространство, есть не что иное, как выражение формирующих, т. е. организующих начал. Система Канта признавалась буржуазией наиболее совершенной и грандиозной потому, что «главнейшие проблемы мануфактурного мышления» в ней подчеркнуты необыкновенно ярко: это — проблемы о строгой соразмерности, согласованности иерархий, частей организованного целого, о «внутреннем факторе» — силе, заложенной в основе организма и дирижирующей им» (стр. 79).

Дальнейшее развитие европейской философии в системах Фихте, Шеллинга и Гегеля по мнению В. Шулятикова. является не чем иным, как выражением той же мануфактуры, но в период борьбы ее не с цеховым ремеслом, а в период борьбы «мануфактуры с нарождающимся машинным производством, с фабрикой» (стр. 83). Поэтому-то философия, сходящая с исторической сцены мануфактуры, повторяет то, что было сказано в период ее побед над цеховым ремеслом; поэтому-то в философии об'ективного идеализма играют большую роль прежние системы (напр. Спиноза, стр. 88).

> Главный вопрос, — пишет В. Шулятиков, — подтачивающий благосостояние мануфактуры, — усовершенствованные, крупные орудия производства. Последние нивелируют трудовые процессы, практикуемые в предприятиях, и следовательно состав исполнительских сил. Идеологи отмирающей организации промышленности учли означенное обстоятельство. И протест их против новых веяний в промышленности облекается по преимуществу в форму протеста против нивелировки профессий и функций или, что в данном случае

одно и то же, в форму аналогии возможно большего разнообразия элементов и техники производства (стр. 93).

Отсюда ясно, что творцы этой философии, напр. Фихте, все время подыскивают и устанавливают ряд промежуточных звеньев, связывающих понятия о высших «началах» с понятиями «низшего ранга». В этом суть метода Фихте, в этом заключается метод примирения «противоречий» (стр. 93). Если система абсолютного монизма, система (его абсолютное «я») Фихте Старшего есть не что иное, как всеоб'единяющая, всепоглощающая субстанция Спинозы, то система Шеллинга воспроизводит опять-таки воззрения Спинозы и отчасти Лейбница (учение о смешении идеального и реального) (стр. 97). И Фихте и Шеллинг устанавливают «два положения, два начала, противоположные друг другу (а эта противоположность есть, как мы указывали, в сущности противоположность высшего и низшего, подчиняющего и подчиненного начал), и устанавливается наличность промежуточного, связывающего начала» (стр. 98). Если установить более тесную зависимость между отдельными моментами процесса, если сильнее оттенить «внутреннюю необходимость» его развития, то получится теория развития путем «противоположностей». Это и сделал Гегель. Это логическое развитие, это нововведение Гегеля есть выражение диференциации ролей и функций в мануфактуре. Из этой диференциации вытекала возможность бесконечных переходов от тезисов к антитезам, вытекала «бесконечная возможность примерения в синтезах» (стр. 99). Вот почему философия Гегеля была лебединой песнью отживающего миропонимания.

«Фабрика сменила мануфактуру, новая техника, а с нею новое буржуазное миропонимание празднуют победу... Спекулятивное мышление уступает место естественно-историческому; учению о «внутренних факторрах», о силах, заложенных в организмах и дирижирующих ими, противополагается учение об определяющей роли окружающей среды; похороненный критицизм, «наивный реализм» воскресает» (стр. 101). Но этой фабрике вскоре пришлось уступить место фабрике автоматического типа. Тут новое соотношение элементов производственного организма и новая философия, «как и в классические дни мануфактурного производства, на первый план выдвигают проблемы об организме, «внутреннем факторе», «организующих началах», «гармоническом сочетании частей» (стр. 104). Так возникает почва для возрождения старых авторитетов, старых систем. Буржуазия возрождает Канта, Юма, Беркли, затем идет реставрация систем докантовского мышления.

Так рисует картину развития философии В. Шулятиков. В качестве примеров, характеризующих курс, принятый идеологией авангарда промышленной капиталистической буржуазии, он берет систему психофизического параллелизма и эмпириокритицизма Авенариуса.

Однако метод рассмотрения у него тот же, поэтому на выяснении их трактовки В. Шулятиковым останавливаться нет надобности. «Антитеза» организующего и организуемого начала «для буржуазного мировоззрения неизбежна» (стр. 116),— полагает В. Шулятиков,— и поэтому все представление В. Вундта о представлениях-об'ектах: Авенариуса о принципиальной координации, учение Маха об отношении психического к физическому,— все это только символы, при помощи которых буржуазия передает свое отношение к факту роста и «поражения» кадров исполнителей-организаторов. Новая фабрика в противоположность мануфактуре определяет даже то, что «дуалистическая точка зрения распространяется даже и на само представление об организаторской воле» (стр. 117). И само учение о психофизическом параллелизме оказывается апологией «организаторского начала».

Нет особенной надобности прослеживать мысль В. Шулятикова об отражении в философии В. Вундта положения организаторов как таковых и как организуемых,— положения верховного «руководителя» капиталистических предприятий, об отсутствии взаимодействия двух рядов, как выражение двойственности организующего начала и т. д. и т. д. Но если в философии В. Вундта, в его учении о психофизическом параллелизме недостаточно четко обрисовано взаимодействие между рядами, то система эмпириокритицизма устранила эту недоговоренность и дала картину действительно полного и точного соответствия психического и физического «рядов» (стр. 132). Это было обусловлено усиленным ростом организаторских звеньев и его более серьезным «поражением» их. Борьба эмпириокритиков с В. Вундтом есть борьба внутри буржуазного мировоззрения.

Таков взгляд Шулятикова на философские системы, таков его социологический анализ этих систем. В. Шулятиков отказывается признать философию детищем и идеологией мелкой буржуазии; он считает, что «новая спекулятивная» философия есть детище капиталистической буржуазии» (стр. 149), и смотреть на нее как на идеологию мелкой буржуазии значит обманываться насчет «боевых сил» «Бастилии», представлять их себе меньшими, чем они на самом деле являются. Свою работу он рассматривает как последовательно проводящую тезис марксизма:

Всякая идеология, как вообще всякое явление из жизни человеческого общества, должна об'ясняться из условий производства (а не распределения или обмена). Мы все время рассматривали развитие философских идей именно как результат соответствующих изменений в группировке факторов производства, изменений во внутренней структуре капиталистических предприятий. Воззрения буржуазии определяются в конечном счете соотношениями, существующими между тремя категориями лиц, собранных под кровлею мануфактуры или фабрики. Все представления буржуазии о мире и человеке строятся «по образу и подобию» ее промышленных организаций. Философия — это наука об организаторах и организуемых, о дирижирующих «центрах» и дирижируемой «массе» (стр. 150).

Марксизм эту науку отрицает. Возникает тот вопрос, которым заканчивается рецензия Г. Плеханова[16]: «Допускается» ли в среде сознательного пролетариата материалистическая философия Карла Маркса и Фридриха Энгельса?» Но на этот вопрос можно ответить только приняв во внимание исходные позиции В. Шулятикова, позиции, обоснованные А. Богдановым, позиции, которые особенно стали отчетливы после появления «Всеобщей организационной науки» (тектологии»), которая и представляет собою новейшую философию[17]. Социоморфизм и теория подстановки А. Богданова да при этом еще в зачаточной примитивной форме и есть те основные позиции, на которых стоит В. Шулятиков и которые приводят его к ошибкам. Оценка книги В. Шулятикова Плехановым в настоящее время должна быть признана недостаточной, так как Плеханов не установил ни корней его методологии ни положительных моментов этой работы. Первое указание Плеханова сводится к возражению, что представители буржуазии могут говорить в философии не только о ближайших классовых выгодах и интересах, но и более или менее отдаленных. Второе — к тому, что классовая борьба не непосредственно отражается, а влияет на ход умственного развития. «Кроме того сказать, что экономическое развитие общества обусловливает собою «в последней инстанции» все остальные стороны его развития, значит — признать именно этими тремя словами: «в последней инстанции — наличность многих других, промежуточных инстанций», каждая из которых влияет на все прочее»[18]. В этом суть критики Плеханова. Но этого недостаточно, ибо налицо простое отрицание, но нет доводов, нет аргу-

[16] Г. Плеханов, Собр. соч., т. XVII, стр. 141—146.

[17] См. интересную статью Н. Карева — «Тектология или диалектика», сб. «За материалистическую диалектику», М.—Л., 1929 г.

[18] Г. Плеханов, Собр. соч., т. XVII, стр. 145.

ментации. Ведь если устанавливается наличность многих других промежуточных «инстанций», каждая из которых влияет на все прочие, то этим еще не снимается вопрос об основной причине, определяющей развитие. Тут встает очень важная проблема — **понимание причинности как формы взаимодействия**. Такого понимания у В. Шулятикова не было, но и у Г. Плеханова оно выступает не как принцип движения. С другой стороны, поправка, что классовая борьба не прямо отражается в философии, а влияет на ход умственного развития, вряд ли имеет силу довода, разрушающего взгляды В. Шулятикова. Эти ошибки В. Шулятикова становятся явными в свете позднейших взглядов А. Богданова. Конечно, В. Шулятиков не ответственен за А. Богданова, конечно он мог уйти в другую сторону, но родственность их позиций в то время несомненна, а поэтому и ошибки В. Шулятикова становятся более ясными в свете развернутого учения А. Богданова. Мы считаем, что основное это то, что В. Шулятиков исходит из социоморфизма и подстановки. Ошибочность социоморфизма в том, что он сводит определяемость мышления практикой данной группы, класса, что мышление представителей данного класса является выражением только его производственной практики, его экономических отношений, причем мышление это вращается в кругу узко производственных отношений, и все его продукты есть не что иное, как символы отдельных элементов производства и их взаимоотношений. Таков социоморфизм у В. Шулятикова в его упрощенной форме; несколько иной характер имеет эта теория у самого Богданова. Социоморфизм, как указывалось выше, сливается с методом подстановки. Все продукты мышления, все его категории являются только символами, под которые надо подставить их реальную сущность,— элементы производства и их взаимоотношение. Понятно, что в таком плане В. Шулятиков должен рассматривать и рассматривает мышление и его продукты как прямое отражение элементов производства, а поскольку оно является таким отражением, оно должно быть отражением ближайших именно интересов и выгод. Даже больше, если оно есть символ элементов производства, то они не могут быть не чем иным, как выражением интересов и выгод, поскольку движущей силой является нажива, экономическая выгода. Так тесно увязывается вся сумма ошибок В. Шулятикова, обнажающая новый ряд ошибочных положений как свое следствие. В самом деле, если основанием для В. Шулятикова является социоморфизм и подстановка, а они именно им и являются, то ясное дело, что следствием его будет учение не о развитии, а об организации

следовательно **не диалектическое, а механистическое представление**. Во-вторых, он должен отрицать **философию**, поскольку она у него превращается в учение об организаторах и организуемых; в-третьих, он должен притти к утверждению схем на основе отрицания диалектики, он должен притти к теории равновесия, т. е. к статической точке зрения; он должен был вульгаризировать диалектику и утверждаться на механистической точке зрения. Следствием принятия социоморфизма и подстановки и являются: 1) механистичность, 2) антидиалектичность, 3) теория равновесия, 4) отрицание философии. Но ведь это как раз и есть все ошибки А. Богданова, и их родство тут несомненно. В. Шулятиков не развил своих взглядов на проблемы философии (время, пространство, об'ективность, причинность и т. д.), но его ссылка на Богданова и общая установка говорят за то, что в этих областях он стоял на богдановской точке зрения. Критиковать же Богданова в данной статье вряд ли следует, нам достаточно установления сходства В. Шулятикова с ошибочной и отвергнутой марксизмом теорией А. Богданова [19]. Но мы должны установить не только сходство, но и различие между В. Шулятиковым и А. Богдановым, следовательно его место в развитии марксистской мысли, его ошибки в специфической области и их социологический смысл, отрицательное и положительное у В. Шулятикова.

II

Являясь членом охарактеризованной выше группы, В. Шулятиков естественно ничего особенного не представляет с философской точки зрения, и рассмотрение его с этой стороны диктовалось необходимостью рассмотреть его связь с группой марксистов. Этим обстоятельством об'ясняется, что В. Шулятикова как философа и не критиковали, тогда как А. Богданов вел жестокую борьбу с Плехановым и Лениным, а Базаров, Суворов и др. также принимали в ней активное участие [20]. Не то В. Шулятиков: он как философ незаметен, и одна заметка Плеханова в счет не идет. Гораздо интереснее он как марксист в области искусства и литературы. Мы уже указывали на те задачи, которые стояли перед марксизмом в то время: борьба за ортодоксию и расширение охвата других сторон идеологии, в частности искусства и

[19] См. Н. Карев — За материалистическую диалектику. Статья «Тектология или диалектика», М., 1929 г., стр. 98—186.

[20] См. Н. Ленин, Собр. соч., т. X, Гиз, 1924 г. Г. Плеханов, Собр. соч., т. XVII, Гиз.

литературы. Борьба за ортодоксию в области философии у Шулятикова приняла, как мы видели, ложный характер и вылилась в ревизионизм, зато в области расширения и охвата марксизмом искусства и литературы В. Шулятиков для своего времени что-то сделал. Сходством его с богдановской философией будут об'ясняться ошибки, отличие его положительных сторон. Можно сказать, чем дальше он уходил от своих философских посылок, от Богданова, тем больше у него было положительных сторон. Положительное у В. Шулятикова, вошедшее в нашу современность в преодоленном виде, должно быть рассмотрено в последнем пункте работы «В. Шулятиков и современность», а сейчас остановимся на ошибках В. Шулятикова в области литературоведения.

В какой мере в литературоведческих исследованиях В. Шулятикова остаются в качестве предпосылки социоморфизм и подстановка? Прежде чем отвечать на этот вопрос, напомним, что литературную деятельность В. Шулятиков начал раньше, чем выступил с философской работой; таким образом литературные воззрения В. Шулятикова заключают в себе его философские воззрения еще в зародышевом состоянии. Если же прибавить, что философские воззрения Шулятикова формировались в среде определенной группы (Богданов, Базаров, Суворов и др.), а литературоведческие — в связи с другими товарищами (В. Воровский, В. Фриче), то станет ясно, что к ним следует присмотреться более внимательно. История обнажила то противоречие, которое было в этой группе, и расколола ее. Мы знаем, что В. Воровский и В. Фриче остались действительными марксистами, которые до самой смерти вели героическую борьбу за диалектический материализм на фронте как искусства и литературы, так и на таких участках, как политика и т. д. Другая же часть группы — А. Богданов, В. Базаров, С. Суворов и др.— ушла от марксизма и под флагом защиты ортодоксии и продолжения работы К. Маркса и Ф. Энгельса вела с ним жестокую борьбу до наших дней [21]. Этот раскол в рядах группы становится особенно ясным теперь, когда большинство ее деятелей сошло со сцены и физически и в общественном смысле, но тогда это обнаруживалось мало. Этим и об'ясняется резкий отзыв Г. Плеханова о В. Фриче и Н. Рожкове как о схематиках и упрощенцах. Схематизм был присущ всей группе и в той

[21] См. Н. Ленин, Собр. соч., т. X, 1924 г. Г. Плеханов, Собр. соч., т. XVII. Н. Карев — За материалистическую диалектику, «Московский рабочий»; 1929 г. А. Богданов — Философия живого опыта. «Всеобщая организ. наука» и др. Сб. В. Воровского, В. Фриче.

или иной мере проявлялся у ее отдельных членов. Но схематизм, как и ряд других черт, подчеркивает сходство, общность, тогда как, повторяем, следует устанавливать и различие, особенность и групповую и личную.

С кем бы пошел В. Шулятиков (ведь он умер в 1912 г.): с В. Воровским и В. Фриче или с А. Богдановым и В. Базаровым? На чьей стороне оказался бы он в развернувшейся борьбе: на стороне группы Плеханов — Ленин или Базаров — Богданов? В каком лагере русской революции был бы он: в лагере Ленина, Воровского, В. Фриче или в лагере Г. Плеханова, А. Богданова, В. Базарова (об'единяя их по отношению к Октябрьской революции)? Или он уклонялся бы от борьбы и остался бы выброшенным, пассивным созерцателем жизни, как некоторые участники боевых когда-то сборников?[22] Куда и с кем бы пошел Шулятиков?— Гадать для ответа на этот вопрос нет надобности, да это и не наше дело, но вскрыть в его взглядах борьбу тенденций и определить основной характер их развития — наше первое дело. Во взглядах В. Шулятикова были на лицо и те и другие тенденции; между ними шла борьба, и даже больше, как мы выяснили, в философских воззрениях он был ближе к Богданову — Базарову, в литературоведческих — к Фриче — Воровскому. В первом случае была отрицательная тенденция, во втором — положительная. Поэтому мы и подчеркнули выше, что чем ближе он стоял в литературоведческих воззрениях к Богданову, тем более ошибался, и обратно. Отсюда и ценность и необходимость ответа на вопрос о том, стоял ли В. Шулятиков в вопросах литературоведческих на позиции социоморфизма и подстановки, и если да, то в какой мере и как это сказывалось на его взглядах. Зародыши тех взглядов, которые были развиты В. Шулятиковым в его работе «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», лежат в его литературных работах более раннего времени, и они-то были впоследствии сформированы как теория социоморфизма и подстановки. Отсюда и характер его ошибок. Литературоведческие ошибки В. Шулятикова заключаются вовсе не в том, в чем видит их В. Совсун, который находит, «что в определении классовых идеологий он становится не на производственную точку зрения, а на потребительскую, указывая, что всякая идеология скрывает в себе экономический интерес того класса, который ее создал. Таким образом, производственные отношения, определяемые В. Шулятиковым как фактор всевозможных надстроек, теперь заменяются простым экономическим ин-

[22] См. «Очерки реалистического мировоззрения», СПБ., 1905 г. «Кризис театра», сб. статей. «Проблема искусства», М., 1908 г.

тересом». И не в том, «что между организацией хозяйства (техникой) и идеологией существует непосредственная связь, заключающаяся в том, что идеология есть простое отображение хозяйственной структуры, что монистическое единство двух планов общественной структуры подменяется тождеством»[23]. Что касается вопроса об экономическом интересе, то, как уже правильно отметил А. Гурштейн в своей статье «Один из первых»[24], В. Совсун здесь неправ[25]. Мы будем иметь возможность коснуться этого вопроса ниже, а сейчас к мнению А. Гурштейна добавим, что сам В. Совсун не понял и запутался в понятиях экономического интереса, класса, производства и т. д.

Что же касается непосредственной связи между хозяйством и идеологией, то Г. Плеханов указывал, что такая связь существует на ранних ступенях развития общества (пример с австралийской женщиной)[26] и только впоследствии утрачивается, так что справедливость требовала бы оговорить относительность этой ошибки у В. Шулятикова. Что же касается вопроса об отождествлении двух планов общественной структуры В. Шулятиковым, то В. Совсуну надлежало бы вскрыть, в чем это выступает, каков характер этого отождествления. Где, в каких статьях оно выступает у В. Шулятикова, всегда подчеркивавшего, что идеология — это сознание, это особый язык, на котором говорит та или иная группа? Если уже и говорить о тождестве в литературе, то надо вскрыть его характер. Или В. Совсун особое содержание вкладывает в термин тождество,— тогда спорить не будем.

В чем же суть ошибок Шулятикова?— Если мы вспомним, что теория социоморфизма утверждает, что «мышление берет свои формы в ко-

[23] В. Шулятиков — Избранные литературно-критические статьи, 1929 г. Вст. статья В. Совсуна, стр. 8.

[24] А. Гурштейн — Один из первых, «На литературном посту», № 18, IX 1929 г., стр. 11—15.

[25] Об'яснение Гурштейном ошибок В. Шулятикова недостаточно, «Психологический источник» шулятиковской «простоты» надобно видеть в полемическом «озорстве», в той его «решительности», которую В. Шулятиков сам несколько раз подчеркивает... (дальше сноска и цитата из В. Шулятикова).

Почему Гурштейн считает достаточным установление «психологического источника» для об'яснения ошибок В. Шулятикова, нам это неизвестно, да и верен ли этот источник—тоже неизвестно. «Озорство и решительность», по правде говоря, об'яснить так может человек, обладающий, подобно В. Шулятикову, и одним и другим качеством: и «озорством» и «решительностью».

[26] См. Г. Плеханов, Собр. соч., т. XIV.

нечном счете из социальной практики», или «связь элементов опыта в познании своей основою имеет соотношение элементов общественной активности в трудовом процессе[27]; если мы вспомним, что подстановка является «схемою для организации фактов: под одни явления подставляются другие, так что первые превращаются как бы в символы вторых,— затем вместо первых исследуются, группируются, вообще организуются вторые»[28]; если мы вспомним, что эти «два метода сводятся к одному: новая форма причинной связи становится основой и об'яснением подстановки»[29]; если мы вспомним, что отсюда вытекает ряд следствий, своеобразное понимание причинности, об'ективности и т. д., то мы поймем, что ошибки В. Шулятикова заключаются: во-первых, в сведении всего мышления данной социальной группы к осознанию ею только своего производственного положения (упрощение даже А. Богданова — примитивное понимание социоморфизма), к замыканию, ограничению этого мышления узким кругом непосредственно данных ее первичных отношений; во-вторых, к подстановке под явления идеологического порядка явлений производства, считая, что первые — только символы вторых; в-третьих, в своеобразном сочетании этих двух методов, что придавало особый характер всем его построениям и мешало современникам видеть за его ошибками положительное. В свете такого понимания ошибок В. Шулятикова становятся ясными возражения Г. Плеханова В. Шулятикову и их недостаточность. Социологический смысл ошибок В. Шулятикова должен быть выяснен не в философии, а в литературоведении.

Возможно, что именно поэтому Г. Плеханов резко отозвался на книгу В. Шулятикова по философии и обошел его как литературного критика. Именно, борьба за расширение влияния марксизма на новые области идеологии, на искусство и литературу (включая сюда и театр и драму), заставляло русских марксистов биться здесь за самые общие положения и формулы и в огне борьбы, в полемике часто схематизировать и упрощать. Не избежал этого и сам основоположник русского марксизма, а тем более его ученики. И если работы Г. Плеханова об искусстве и литературе, в частности работы о народниках, сохраняют для нас значение с методологической точки зрения, а не с точки зрения историко-литературного познания конкретных фактов,

[27] А. Богданов — Философия живого опыта, М., 1920 г., стр. 229.
[28] Там же, стр. 229.
[29] Там же, стр. 237.

то работы В. Шулятикова имеют то же значение, но не как целое, а в своих отдельных моментах. Тут разница конечно в масштабе этих исследований. Мы не говорим о В. Фриче, работы которого являются в известном смысле классическими, особенно работы последнего периода, когда и сам Г. Плеханов сдал позиции революционного марксизма и его боевое оружие перешло к В. Фриче, которого мы считаем продолжателем Г. Плеханова, и работы которого — пользуемся случаем подчеркнуть еще раз — мы считаем нужным изучать наряду с плехановскими. Он шел за Г. Плехановым и потому — дальше его. И если современному исследователю все более и более становятся ясными ошибки Г. Плеханова в разных областях[30]; если современному исследователю становится ясным об'ективизм Г. Плеханова в ряде его высказываний; если на очереди стоит проблема Г. Плеханова как историческая проблема; если ошибки Г. Плеханова начинают ощущаться только теперь, то исследователи меньшего калибра, а в действительности его ученики делали ошибки, гораздо грубей и проще, что и было причиной их обнаружения в первую голову самим же Г. Плехановым. Но за этими ошибками скрывалось много верного, ибо вся работа этих исследователей была продиктована указанной выше необходимостью завоевания марксизмом искусства и литературы. Одному Г. Плеханову это было не под силу. На литературном фронте боролись и В. Шулятиков, и В. Воровский, и В. Фриче, и Луначарский, и их значение в истории русского марксизма велико. Г. Плеханов разрабатывал марксизм, учил целые поколения, боролся за его чистоту. В. Шулятиков боролся за марксизм с его противниками не на главных позициях, а на более мелких участках. Может быть, в известной мере его простота и упрощенство были обусловлены также характером борьбы, характером тех утверждений, против которых он выступал. Проникая в новую область, защищая самые общие позиции и формулы марксизма, В. Шулятиков впадал в упрощенство. Посмотрите, против кого боролся В. Шулятиков: Лансон («История французской литературы»), Неведомский («О свободном художестве»), Скабичевский («Новое течение в современной литературе»), А. Волынский, Н. Бердяев и др. С некоторыми из них скрещивал мечи сам Г. Плеханов, с другими боролся В. Шулятиков. Но как бы то ни было, задача завоевания новых областей перед русским марксизмом была поставлена не В. Шулятиковым и даже не Г. Плехановым, а общим ходом жизни и в первую очередь развитием русского рабочего класса,

[30] Имею ввиду работы М. Н. Покровского — Марксизм и особенности исторического развития в России, и В. И. Ленина, сб. IX.

который, наполняя марксизм реальным содержанием, превращал его тем самым в действительное мировоззрение русского пролетариата. Эти задачи решали и Г. Плеханов, и В. Шулятиков, и В. Орловский, и В. Фриче, и Луначарский, и много др., но мера способности к их разрешению и успех были обусловлены как предшествующим развитием, так и личными качествами отдельных исследователей. Тут роль личности в истории. Именно потому, что В. Шулятиков как личность играл весьма и весьма относительную роль, придавал только окраску, он, как и многие другие, несмотря на свои ошибки, служа определенным задачам, выполнял прогрессивную и боевую роль. Именно поэтому он составляет необходимое звено в развитии русского марксизма, что в большей степени, чем Г. Плеханов, является продуктом русских общественных отношений. Если взгляды Г. Плеханова были сформированы не только русскими, но и западноевропейскими отношениями, если Г. Плеханов поднялся над узостью и ограниченностью русских общественных отношений, то В. Шулятиков был скован ими в значительной степени. Отсюда закономерность его ошибок, отсюда их социологическое об'яснение. Теоретики и практики русского марксизма в какой-то мере все были продуктом более развитых общественных отношений Западной Европы, чем русских общественных отношений, и «дубоватость» некоторых из них об'ясняется их большей связью с русскими общественными отношениями. Сам. Г. Плеханов был связан определенным характером этих отношений и оказался превзойденным В. И. Лениным по той же причине, по которой он превосходил В. Шулятикова. Дело тут не в личной одаренности или талантливости, но в том, как, на какой основе этот талант реализуется, какие социальные силы превращают его из возможности в действительность. Если в этом плане мы будем рассматривать В. Шулятикова, тогда поймем характер и закономерность как ошибок, так и положительных сторон. На том этапе развития русских общественных отношений русского пролетариата и его мировоззрения — русского марксизма — В. Шулятиков представляется, несмотря на все свои ошибки, марксистом. Смерть избавила В. Шулятикова одновременно как от возможности итти дальше вместе с марксизмом и по мере его роста изживать и отказываться от своих ошибок, превращаясь в стойкого борца во всех областях жизни, так и от противоположной возможности — превращения в ревизиониста, все дальше и дальше уходящего от марксизма по мере его развития, превращения в явного врага рабочего класса. Мы не знаем, куда бы пошел В. Шулятиков, какие тенденции в нем одержали бы

верх, ибо он мог итти вместе и с А. Богдановым, и с В. Фриче, и с В. Базаровым, и с В. Орловским. Превратиться в третье — стать ублюдочным явлением современности — В. Шулятиков вряд ли мог, порукой в этом вся его установка, вся его борьба с буржуазными «Бастилиями», весь характер его работ.

Однако социоморфизм и подстановка были в зародыше у В. Шулятикова, а в литературоведческих работах они принимали своеобразное выражение. Первый момент — это значительный элемент механистичности. Тут В. Шулятиков впадал в жесточайшее противоречие сам с собой. С одной стороны, он должен был признать и признавал за сознанием его относительную самостоятельность, его активность как формы познания, с другой стороны, сознание было только символом элементов производства.

Признавая, что литература является результатом отношения класса к миру, В. Шулятиков утверждал ее активность, утверждал тот факт, что литература широко отражает жизнь. Но, утверждая это, он противоречил своему же собственному положению, что она является выражением ближайших материальных выгод и стремлений. С теорией отражения сознанием бытия, с применением к ней диалектики В. Шулятиков явно не справился. В этом характер его литературоведческих ошибок. Установив корень его ошибки, мы должны подчеркнуть, что она не является исходным пунктом всей его системы, что она есть недостаток в ряде положительных сторон. Вот почему обусловленные ошибки сказываются во всех работах В. Шулятикова, но не превращают всю систему в целом в ошибочную. В. Шулятиков не является полным механистом, а тем более в литературоведении, в этом не мог его упрекнуть даже Г. Плеханов, но элементы механизма в его исследованиях налицо. Однако количество не переходит в качество. Любопытно заметить, что относительная механистичность точки зрения В. Шулятикова говорит не только о том, что во многом он был прав, но и выгодно отличает В. Шулятикова от современных нам литературоведов-механистов. Теорию отражения В. Шулятиков сводит к подстановке. Подстановка ее есть, в сущности говоря, для него теория отражения. Современные же механисты (В. Переверзев и др.) вовсе отрицают теорию отражения, считая ее метафизическим взглядом. Разница между полным отрицанием теории отражения и сведением ее к подстановке заключается в том, что в первом случае проповедуются автоматизм, стихийность, бессознательность, сознание включается в стихийный процесс развития материи. При подстановке же мы имеем активность сознания, хотя и

ограниченную ближайшими материальными интересами и выражающую только элементы производства.

В этом понимании теории отражения и заложено их отличие от В. Шулятикова, с пользой в сторону последнего. В. Шулятиков считает сознание активной формой, обладающей относительной самостоятельностью. В. Переверзев отрицает за сознанием эту роль. В. Шулятиков понимает действительность как революционную практику и противоречит сам себе, а В. Переверзев фаталистически понимает развитие действительности как стихийное движение материи, поэтому он хотя и не противоречит себе, не остается механистом до конца. Если у В. Шулятикова элементы механистичности играют весьма относительную роль, то у современных литературоведов-марксистов они играют абсолютную роль, превращая их в систему явно механистическую. Вот почему если и говорить о связи их с В. Шулятиковым, то необходимо подчеркнуть, что связь тут только с одной стороной его взглядов — с отрицательной, с элементами механизма. Но у него были и положительные стороны, в разработке которых он далеко превосходил своих менее талантливых последователей. У В. Шулятикова видели только отрицательные стороны. В. Переверзев и его группа попытались взять и положительные моменты. Но, будучи сами механистами, они и в наследстве В. Шулятикова стали разрабатывать стороны, связанные с механистичностью его взглядов.

Мы наметили выше четыре ошибочных вывода, к которым приводит принятие теории подстановки социоморфизма (антидиалектичность, механистичность, теория равновесия, отрицание философии). Очевидно, что в области литературоведения у В. Шулятикова посредственно могли сказаться первых три пункта. Элементы механистичности, а стало быть антидиалектический подход мы видели у В. Шулятикова; теория равновесия как ближайшее следствие тоже проявляется у него. Но, связывая ошибки В. Шулятикова с А. Богдановым, мы должны помнить, что сам Богданов только на известном этапе своего развития стал расходиться с марксизмом и наконец отошел от него. Когда это было? Как протекал этот процесс? — В рамках настоящей работы мы не имеем права заниматься подробным рассмотрением этого вопроса, но основные даты должны отметить. Философские статьи А. Богданова начали появляться с 900-х годов [31], а к 1905—1906 гг. уже оформляются в целую систему «эмпириомонизма». К этим же годам относится полемика А. Богданова

[31] Я имею ввиду А. Богданова — Развитие жизни в природе и обществе; «Из жизни общества», 1902 г.; «Что такое идеализм», 1901 г., и др.

с Г. Плехановым. В 1908 г. появляется книга В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», не встретившая хорошего отзыва даже в среде той группы, в которой работал В. Шулятиков (см. напр. отрицательный отзыв С. Юшкевича). В 1908 г. появилась книга В. Ленина «Марксизм и эмпириокритицизм», окончательно разоблачающая А. Богданова. Если Г. Плеханов в своих письмах к А. Богданову не считает его марксистом, то Н. Ленин в упомянутой книге писал, что А. Богданов есть марксист минус его теория тождества бытия и сознания, т. е. минус «эмпириомонизм» (минус махизм, вернее) [32]. Для выяснения марксизма А. Богданова любопытен отзыв Н. Ленина о его книге «Краткий курс экономической науки». Рецензия Н. Ленина на эту книгу относится к 1898 г.

> Книга г-на А. Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе, это не только не «лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них...

И дальше Ленин отмечает ее достоинства:

> 1) полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги, трактующей о весьма многих и весьма широких вопросах; 2) содержание науки автор излагает «не догматически», а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и наконец капитализма; 3) выдающееся достоинство «курса» г-на А. Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма.

Далее Н. Ленин делает замечания относительно некоторых дополнений и исправлений книги [33]. Эту в высшей степени положительную характеристику книги А. Богданова мы приводим для того, чтобы выяснить характер его ревизионизма. Этот характер и выясняет Н. Ленин через 10 лет в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм»:

> Исторической особенностью современного российского махизма (вернее: махистского поветрия среди части с.-д.) является следующее обстоятельство: Л. Фейербах был материалист «внизу», идеалист «наверху», то же относится в известной мере и к Бюхнеру,

[32] Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 331.

[33] Ленин, Собр. соч., т. II, Гиз, 1928 г., стр. 371 - 373.

Фохту, Молешотту и к Дюрингу, с тем существенным отличием, что все эти философы были пигмеями и жалкими кропателями по сравнению с Л. Фейербахом. К. Маркс и Ф. Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого К. Маркс и Ф. Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали диалектический материализм, чем диалектический материализм, больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме... Наши механисты не поняли марксизма, потому что им довелось подойти к нему, так сказать, с другой стороны, и они усвоили — а иногда не столько усвоили, сколько заучили — экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т. е. философского материализма. Получилось то, что Богданов и К⁰ должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они желали бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от путанного идеализма внизу! — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки...[34]

Эта замечательная характеристика богдановского марксизма имеет отношение ко всей группе и дает нам право сделать следующие выводы: 1) в 900-х годах А. Богданов был марксистом; 2) отход его от марксизма начался «снизу», т. е. с философских основ, при этом «наверху» он еще оставался марксистом; 3) дальнейшее развитие А. Богданова привело его к расхождению с марксизмом и «наверху», т. е. и в исторической и экономической области, а главное в политической (исключение в 1909 г. из состава редакции центрального органа партии «Пролетарий», платформа 1909 г. с разговорами о пролетарской культуре, отрицание русской революции 1917 г. и т. д.). В. Шулятиков, умерший в 1912 г., не мог не видеть этой эволюции А. Богданова и, оставаясь большевиком до конца своей жизни, не мог, подобно другим сторонникам А. Богданова, не порвать с ним. Однако влияние последнего сказывалось долго. Наибольшей силы влияние достигает в 1907—1908 гг., т. е. в годы, когда В. Шулятиков занимался философией. В. Шулятиков в этих работах делает ошибку «снизу» и остается марксистом «сверху». В работах предшествующего периода мы замечаем только борьбу тенденций, затем идет период торжества богдановщины и наконец период расхождения. Вот почему литературные работы 1900—1904 гг. («Критические этюды» в «Курьере», «Восстановление разрушенной эстетики» в «Очерках

[34] Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 337.

реалистического мировоззрения») характеризуются различием тенденций, в них вскрыты противоречие и возможность и того и иного пути развития. Работы 1906—1909 гг. («Оправдание капитализма в западноевропейской философии», «Неаристократический аристократизм» во II книге «Литературного распада», 1909 г., «Новая сцена и новая драма» в сборнике «Кризис театра», 1908 г.) характеризуют как период наибольшего упрощенства, так и наибольшего количества допущенных ошибок, что об'ясняется особенно сильным влиянием А. Богданова. Третий период (1910—1912), когда В. Шулятиков постепенно освобождается от влияния А. Богданова и снова возвращается к марксизму, изживая свои ошибки в области исторической теории («сверху») и отмежевываясь от А. Богданова в области философской («снизу»). Таким образом, В. Шулятиков вышел из своего противоречия ценою разрыва с А. Богдановым. Правда, мы не имеем работ В. Шулятикова, подтверждающих наш вывод, но нам известно, что он зорко следил за А. Богдановым, и в его рабочей тетради мы находим следующую любопытную заметку по этому поводу: «Богданов стоит на почве чистейшей воды демократизма, а не социал-демократизма, как он старается уверить. Он оперирует тем же понятием общечеловеческой психологии, с каким оперируют идеологи либеральной и радикальной буржуазии» (В. Шулятиков, Рабочая тетрадь, стр. 6).

Это глубокое замечание характеризует В. Шулятикова как тонкого и чуткого революционера, с обостренным вниманием к классовой борьбе. Именно этот принцип — принцип классовой борьбы — является тем основным моментом, на котором В. Шулятиков должен был разойтись с А. Богдановым. Этот решающий принцип классовой борьбы отличает В. Шулятикова и от В. Переверзева. Повторяю, что, принимая во многом теорию А. Богданова, Шулятиков становился в противоречие сам с собой; идя к признанию принципа классовой борьбы, он шел к выправлению своей линии, к изживанию ошибок, к разрыву с А. Богдановым. Последний же из своего противоречия так и не вышел, углубляя и расширяя свою ревизионистскую теорию. Таким образом, и В. Шулятиков и В. Переверзев связаны с А. Богдановым, но первый шел к разрыву, к преодолению, второй не делает этого; первый брал философские принципы (социоморфизм, подстановку) и расходился в учении об общественном развитии, второй берет именно учение об общественном развитии, опираясь на механистические принципы в области философии. В. Шулятиков ушел от А. Богданова, и в этом следует видеть положительное явление, плодотворно сказавшееся на разработке его взглядов.

Теперь мы проследим эволюцию взглядов, а стало быть и ошибок В. Шулятикова в области литературоведения. Набрасывая схему развития В. Шулятикова, мы указали, что в статьях первого периода замечается борьба двух тенденций (1901—1905), в статьях второго периода — наибольшее упрощенство под влиянием теории А. Богданова (1905—1910), и в статьях третьего периода намечается разрыв с философией А. Богданова (1910—1912). Статьи В. Шулятикова в газете «Курьер» втечение 1900—1902 гг. показывают, куда направляется его главное внимание, чего он хочет от художника и как, стало быть, подходит к нему. Говоря например о творческой манере М. Горького, он замечает, что последний учился у Короленко, который «действительно научил его сосредоточить интерес рассказа не на фактах экономической борьбы за существование, не на описаниях трудности борьбы, даже не на страданиях героев, и не на «лютой бродяжей тоске», а на поэзии душевных стремлений, на обрисовке порывов душевной энергии и душевных сил» («О новейшем реализме», стр. 199). В этой установке пока нет еще никакого упрощенства, но тенденция к нему есть, и она при дальнейшем развитии укрепилась. Рядом с этим в статье «Несколько слов о литературном «оскудении» В. Шулятиков дает характеристику тогдашним беллетристам, справедливо подчеркивая без всякого осуждения новый тип писателя, т. е. писателя не учителя, а наблюдателя и регистратора жизни. Даже больше, в ряде статей этого периода мы находим у него больше положительных тенденций, чем отрицательных. В статье «На рубеже двух культур» В. Шулятиков очень любопытно подходит к Гоголю, к тем противоречиям, которыми был полон его душевный мир. «Другая часть противоречий,— пишет В. Шулятиков,— имеет социальное происхождение, должна быть об'яснена из условий той общественной среды, в которой рос и развивался талант Гоголя. Эти противоречия были противоречиями самой общественной жизни Гоголя. Гениальный художник, сын «переходной эпохи», он стоял перед лицом двух поколений интеллигенции, перед лицом двух различных культур. На его глазах происходила смена двух общественных миросозерцаний» [35]. Таким образом, характер творчества Гоголя В. Шулятиков выводит из того факта, что он в своих произведениях особенно ярко и точно отразил противоречия эпохи. Стоит сопоставить точку зрения В. Шулятикова на Гоголя с работой В. Переверзева, чтобы видеть, как первый применяет теорию отражения, а второй стоит на точке зрения тождества. Эту же

[35] «На рубеже двух культур», стр. 206.

теорию отражения применяет он и по отношению к Г. Успенскому. «В своих произведениях в пореформенную эпоху русского капитализма и на выяснении влияния капитала на разные стороны общественной и народной жизни он наблюдал первые ранние шаги капиталистического развития. Он видел перед собой лишь хищника-буржуа. Подобно большинству своих современников, он кроме хищнических сторон в капитализме не видел ничего. Он считал русский капитализм чем-то беспочвенным и наносным. Он не верил, чтобы по мере того как будет организовываться правильно фабричная промышленность, в общественной и народной жизни произойдут глубокие изменения, откроются новые горизонты»[36]. Сравнивая подход В. Шулятикова к Г. Успенскому с подходом к нему же Г. Плеханова, нельзя установить противоречия, хотя Г. Плеханов дает развернутое исследование, а В. Шулятиков — только небольшой этюд.

В статье «Восстановление разрушенной эстетики» («Очерки реалистического мировоззрения», М., 1904 г.) тенденции к упрощительству более заметны, хотя тут же в основном дан верный подход и выдвинут ряд очень глубоких фактических и методологических замечаний. Для иллюстрации приведу только один пример:

> Отныне воскресает беллетристика как fiction, как «обман», выражаясь старинными терминами. Беллетристические произведения начинают цениться не постольку, поскольку они отражают насущные потребности действительности, а поскольку рядом с миром действительности они создают особый мир, особую надстройку над действительностью. Художественные образы и идеи, рожденные не как непосредственные отражения материальных интересов реальной жизни, а лишь связанные с последней через посредство «индивидуальной» психологии, об'являются живущими самостоятельной жизнью (стр. 53).

Примеров можно было бы привести очень много, но все они подтверждали бы нашу мысль о наличии двух тенденций и о возможности ухода в упрощительство. В самом деле, приведенный нами пример может быть взят и с одной и с другой стороны, смотря по тому, какая тенденция восторжествует. Такую же борьбу тенденций видим мы и в статье о Чехове («Теоретик «талантливой жизни»), относящейся к 1905 г. «Пером бытописания «хмурых людей» управляет сознание групповых интересов, подсказывающих необходимость иной, не мещанской обстановки,— обстановки, богатой разнообразием своего содержания» (стр. 189). Пример

[36] «Памяти Глеба Успенского», стр. 216.

говорит сам за себя: достаточно возвести эту тенденцию в принцип исследования, как получится упрощенство. Это и произошло в следующем периоде.

Таким образом, можно констатировать, что литературоведческие работы первого периода упрощенством не страдают, хотя отдельные срывы, указывающие на возможность развития таких тенденций, и были. Последнее обстоятельство больше относится к концу этого периода.

В 1908 г. В. Шулятиков выпускает книгу «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», отмечающую, как мы указывали выше, упрощенство в философии[37], в этом же году выходит сборник «Кризис театра» со статьей В. Шулятикова «Новая сцена и новая драма», а в следующем, 1909 г.— сборник «Литературный распад», кн. II, с его же статьей «Неаристократический аристократизм». В этих работах упростительские тенденции В. Шулятикова достигают своего высшего предела. Даже ближайшие соратники В. Шулятикова, участники сборника, не могли целиком оправдать его подход и вынуждены были сделать примечание[38]. В рамках настоящей статьи нет возможности вскрыть все пороки подхода В. Шулятикова, выступившие в этих работах, мы поэтому подчеркнем два момента: 1) характер упростительства, 2) наличие в этих работах наряду с ошибками верных мыслей. Второй пункт мы рассматриваем в последнем разделе нашей работы, а сейчас остановимся на характере его упростительства. Выше, характеризуя метод работы В. Шулятикова в философии, мы указывали на сведение им всех теоретических высказываний к символам, под которые надо подставить элементы производства. Теперь этот метод применяется им в литературе. Характеризуя творчество Л. Андреева и устанавливая вообще тенденции творчества модернистов, В. Шулятиков считает, что за всеми разговорами о тьме, сумасшествии, великой радости разрушения, отрицания жизни, проповеди смерти и т. д. скрывается нечто вполне реальное. Гиперболическими образами и формулами утверждается настоятельная необходимость «сокращения» жизни... «Сокращение» жизни, о котором они говорят,— это сокращение численности народонаселения. Их проповедь есть не что иное, как внесение в область художественной литературы мальтузианских мотивов... И модернистская «тьма» вместе с озна-

[37] Две книги В. Шулятикова, относящиеся к 1907 г., мы оставляем временно в стороне. Они будут использованы в следующей статье, где более подробно будет охарактеризована связь В. Шулятикова с большевизмом.

[38] См. сб. «Литературный распад», кн. II, 1909 г., стр. 231—252.

ченными течениями восходит по одному общему «материальному» источнику... Что это за источник? — Это «сократительная» тенденция новейшей индустрии, выражающаяся в изгнании «массы» из отдельных предприятий, отдельных мастерских, отдельных профессий» (стр. 165). Такой же характер носят упростительские тенденции и в об'яснении кризиса театра. Такое упростительство влечет за собою ряд других ошибок и ставит В. Шулятикова в противоречие с самим собою и прежде всего там, где он как литературный критик, стараясь подойти к определяющему художественное творчество первоисточнику (к экономическим отношениям), должен вскрыть ряд звеньев, приковывающих идеологическую «надстройку» к материальной «подпочве». Правда, к ясному представлению о необходимости вскрытия «ряда звеньев» В. Шулятиков пришел позже, когда и выдвинул такое категорическое требование. Мы имеем ввиду статью «Этапы новейшей лирики», относящуюся к 1910 г., но это был уже третий период, когда вполне ясно наметился разрыв с А. Богдановым, отход от его теории, а стало быть, изживание упростительских тенденций и возврат к марксизму. Статья «Этапы новейшей лирики» появилась в сборнике «Из истории новейшей русской литературы», участники которого (В. Орловский, В. Фриче, В. Базаров) не нашли нужным сделать примечания, подобного таковому к статье В. Шулятикова «Неаристократический аристократизм» в сборнике «Литературный распад», хотя лица были те же. Это обстоятельство говорит о многом и прежде всего об изменении подхода самого В. Шулятикова, что очень хорошо может быть доказано на основе анализа его статей. К выяснению положительных моментов в его взглядах мы и переходим.

III

Удачно высказанная для определенного времени оценка часто остается действительной на очень продолжительный период времени. Ее живучести и действенности способствует привычка мыслить по шаблону, традиции, отсутствие желания пересмотреть мнение авторитета. Этот консерватизм, свойственный иногда самым передовым течениям общественной мысли, способен тормозить успешное продвижение вперед, правильную оценку и рассмотрение своих истинных врагов и друзей в прошлом. Высказанную признанным авторитетом мысль, связанную с конкретной обстановкой, схватывающую именно этот исторический момент, а потому и действенную и правильную именно для него, распространяют на все времена, превращают в методологическую посылку,

совершенно не считаясь с историческим моментом и обстановкой. Так было с оценкой В. Шулятикова, как мы видели выше. Шулятиковщина стала нарицательным именем. И за этим нарицанием скрылись не только ошибки, но и положительные стороны наследства В. Шулятикова. В настоящей главе мы хотели бы подчеркнуть ряд положительных сторон его учения, связав их с современными представлениями в литературоведении.

В. Шулятиков считает, что критик должен проникнуть в глубь исторических движений для того, чтобы вскрыть истинный смысл и ценность той или другой идеологии.

> Истинная ценность каждого литературного течения выясняется прежде всего социально-генетическим анализом. Социально-генетический анализ — вот тот единственный светоч, который, будучи направлен на темные углы царства художественных идеологий, позволяет разглядеть за эстетическими и идеологическими туманами контуры реальных предметов, за сложной, иногда капризной игрой художественных образов и идей—столкновения «материальных» стремлений и интересов. «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 27—28 [40].

Вряд ли кто из марксистов станет спорить против этих утверждений В. Шулятикова. Для современного литературоведения стало исходным пунктом установление социального генезиса литературного произведения. Обнаружение той социальной почвы, которая породила данный литературный факт, является первой, хотя и не единственной задачей марксистского литературоведения. Обнаружение социальной ячейки, создавшей литературный факт, идет через анализ художественных образов и идей, которые есть не что иное, как выражение языком искусства материальных стремлений и интересов социальных групп. Против последнего утверждения В. Шулятикова и идет возражение, в котором подчеркивают, будто бы он в данном случае отождествляет искусство с интересом, непосредственно выводит художественное творчество из экономики. Так ли это?

Как В. Шулятиков представляет себе отношение экономики к искусству и насколько его точка зрения верна? — В современных спорах по вопросам литературоведения очень резко ставится этот вопрос. Спорящие товарищи ссылаются на Ф. Энгельса и Г. Плеханова в доказательство того положения, что экономика влияет на искусство через ряд

[40] Цитирую везде по книге В. Шулятикова — Избранные «литературно-критические статьи», Зиф, М.—Л., 1929 г.

передаточных звеньев. Мы считаем, что спор о посредственном или непосредственном влиянии экономики на литературу принял чисто схоластический характер и ни к каким результатам спорящих привести не может. Между тем у того же В. Шулятикова мы находим совершенно верный ответ на этот вопрос:

> Понять литературное течение — значит установить его зависимость от определенной общественной группы. Оценить его — значит произвести его учет на основании того удельного веса, который данная группа имеет в общей социально-экономической жизни. Степень прогрессивности данной группы служит показателем об'ективного значения литературной школы, этой группой созданной, и при рассмотрении вопроса о смене школ может явиться единственным надежным свидетельством перед судом критики [41].

Уж здесь совершенно ясно намечено разрешение поставленного вопроса. Экономические отношения ставят социальные группы в определенное положение и таким образом обусловливают весь характер их дальнейшего развития. Первое и необходимое, что надо помнить при разрешении вопроса об отношении экономики к искусству,— это то, что основное значение тут имеют социальная ячейка, группа, класс. Понять зависимость искусства, литературы от экономики — это и значит, исходя из того, в каких экономических отношениях стоит данная социальная группа и как определен ими характер ее деятельности, установить, что данная система художественных образов является не чем иным, как результатом практической деятельности этой группы.

> Изучение социального строения интеллигентских ячеек,— пишет В. Шулятиков,— в недрах которых развивается то или другое литературное «веяние», изучение их роста, столкновения между собою и с другими общественными телами, изучение их побед и поражений,— вот с чего должен начать историк литературы. Затем, основываясь на добытых подобного рода изучением данных, критик должен приступать к анализу литературных веяний как идеологических приспособлений, выработанных теми или другими интеллигентными группами...[42] Зарождение, рост, смена, крушение литературных течений свидетельствуют о соответствующих переменах

[41] «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 28.

[42] «Говоря об интеллигентных группах и ячейках, мы конечно имеем ввиду интеллигентные кадры, выделяемые различными, так наз. «народными» слоями, т. е. например средним или мелким крестьянством, городским пролетариатом, мелким бюргерством. Нарастание интеллигентных групп среди этих слоев — непременное условие создания литературы соответствующей идеологии» (прим. Шулятикова, стр. 32).

строений и соотношений интеллигентных ячеек... При такой постановке вопроса понятие процесса литературной эволюции теряет «стихийный» и анекдотический летописный характер, какой ему приписывается критиками старой школы и современными критиками-индивидуалистами: через изучение социальной подпочвы, определяющейся, с своей стороны, состоянием производственных отношений и в конечном счете развитием производительных сил, процесс этот представляется органическим звеном общеисторического движения [43].

Стоя в тех или иных производственных отношениях, класс обусловлен ими в характере своей деятельности буквально во всех областях. Если городские классы обращаются к природе, с которой они в повседневной жизни не встречаются, если художники класса начинают ставить весь мир на голову, если художники восходящего класса начинают воспевать смерть, а художники умирающего класса бодро говорят о жизни, то все это есть результат их активного отношения к жизни, обусловленного их положением в процессе общественного производства.

Этой стороны дела и не могут уяснить себе современные литературоведы, которые закономерность пейзажа стремятся вывести из отношения класса прямо к природе, а не к другому классу. Тут проповедуется автоматическая точка зрения, являющаяся не чем иным, как особым выражением механистического материализма. У В. Шулятикова этого автоматизма не было, он всегда брал класс и определял характер его деятельности на основе учета его экономического положения.

Социально-экономическая оценка должна отправляться от области определенных экономических отношений,— отношений, охватываемых **производством**. Выдвигать же в качестве конечного Bestimmungsgrund'a явления, относящиеся к другим областям экономической жизни, значит **останавливаться на полдороге, затушевывать первоисточник анализируемых фактов.**

Задача литературного критика — подойти к этому первоисточнику, вскрыть ряд звеньев, приковывающих идеологическую «надстройку» к материальной «подпочве». И мы должны это сделать. Путь нашего нисхождения от «надстройки» и к «подпочве» таков [44].

Формулировка задачи критики итти до первоисточника анализируемых фактов вряд ли должна встречать возражения даже со стороны самых «ортодоксальных марксистов». Именно тут подчеркивается В. Шу-

[43] «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 32.

[44] «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 112.

лятиковым решительно монизм, его стремление не останавливаться на полдороге. Тут поставлена точка над і для тех, кто все время говоря об экономике, в конечном счете так и не доходит до нее, запутываясь в сети явлений. В. Шулятиков подчеркивает необходимость вскрытия ряда звеньев, приковывающих идеологическую надстройку к материальной подпочве, и таким образом перед нами опровержение всех басен о его ошибке в этом пункте. В. Шулятиков понимает, что основной момент, определяющий идеологию,— это общественные отношения, это положение социальной группы в обществе. Он пишет: «Та или иная идеологическая форма определяется не сословной метрикой отдельных идеологов, а положением той или иной социальной группы в области производства. Для нас важно не то, откуда известные идеологи заимствовали свой материал, но то, почему они обратились к нему, точнее, какие экономические условия сделали означенный материал столь ценным в рамках современного общества» (подчеркнуто мною.— *М. Д.*).

Стоит задать вопрос: все ли современные литературоведы понимают всю глубину этой мысли В. Шулятикова? Многие ли отдают себе отчет в том, что тут В. Шулятиковым вскрыт один из важнейших принципов современного литературоведения? Для нас важно именно то, почему берут тот, а не иной материал, а знать, почему это— значит знать характер и направление деятельности данного класса, обусловленной его положением в производстве.

Стоя на этой позиции, никогда не собьешься с точки зрения материалистического монизма, не заменишь общественного бытия общественным бытом или житием. В. Шулятиков против этих смешений. Возражая против попыток об'яснить стиль с помощью невропатологического анализа, указывая на то, что содержание произведений Надсона не создано ни чахоткой, ни нервозностью поэта, В. Шулятиков пишет:

> Не лучше дело обстоит и с распространенными в наши дни попытками выяснить происхождение новейшего литературного стиля из общих условий культуры крупных городов. Быструю лихорадочную смену настроений, отмеченную у современных писателей, особенно у декадентов, символистов и модернистов,— заявляют сторонники вышеозначенной попытки,— следует возводить к следующему источнику: городской обыватель слишком подавлен той суммой раздражений, которые вызываются в нем окружающей

[15] «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 110.

пестрой обстановкой; реакцией на эти раздражения являются флотирующие настроения» [45].

Эти мысли не мешает запомнить тем литературоведам, которые быт ставят вместо бытия, которые социально-экономическую детерминированность художника, искусства,— детерминированность, вытекающую из положения класса в производстве, подменяют простой зависимостью от окружающей жизни.

Такие исследователи выводят наличие быстроты, развития действия, прерывистости языка, разорванности в композиции и др. черты стиля просто из быстрого темпа городской жизни, из городской обстановки, а плавность, величественность — из деревенской, забывая, что все это не закон, а только случайное совпадение, что истинная причина характера того или иного стиля лежит в отношении класса к миру, к действительности,— отношении, обусловленном в первую очередь положением его в производственной системе общества. В. Шулятиков прекрасно раз'ясняет, что «... в крупных городских центрах средства к существованию получают не от природы, а от людей». Отсюда направление и характер отдельных групп, их материального процесса мышления и его продуктов. Отсюда вся сложная система общественных отношений.

Итак, экономические отношения определяют характер и направление деятельности социальной группы, следовательно все мышление и его продукты, в том числе искусство и литературу. Таковым должно быть решение вопроса о взаимоотношении экономики и искусства. Оно же показывает, насколько прав был В. Шулятиков и насколько ошибалась традиция, упрекающая его только в упрощенстве и забывающая верные его мысли.

Отправляясь в своих исследованиях от социально-экономической группы, от ее положения в процессе общественного производства, определяющего все ее устремления и характер деятельности, В. Шулятиков, в сущности говоря, пытался решить очень важный философский вопрос об отношении суб'екта к об'екту, пытался взглянуть на этот вопрос с той стороны, где суб'ект (класс) выступает как активная величина [46]. Чрезвычайно трудный вопрос получил у В. Шулятикова верное разрешение.

Мысль его шла в том направлении, что класс, этот исторический

---

[46] См. об этом у Г. Плеханова — «Основные вопросы марксизма», стр. 37.

суб'ект-об'ект, активно относится к миру и в своем отношении к нему создает идеологический мир.

В. Шулятиков далек от мысли делать прямые выводы от положения класса сразу к формам его идеологии. Он понимает, что «маховое колесо социально-экономического развития» приводит в движение очень тонкие и своеобразные идеологические образования. Вот что он пишет:

> При подобной вариации процесс абстрагирования «страдания» совершает громаднейший поступательный шаг. Бледный и без того фантом становится почти незримым. Общественные классы некогда заменялись в изображении поэтов внеклассовым обществом страдающих, классовая борьба — «страданиями». Затем «страдания» последовательно утрачивали свой острый характер, превращаясь в «темное» начало, «хаос», игру «антитез», бессильное «томление». Однако при всех их превращениях некоторая отдаленная связь между ними и исходной точкой абстракции как-никак сохранялась. Теперь абстракция начинает отправляться уже от производного ряда понятий, уже от абстракции — «страдания страданий» [47].

Таким образом, упрек в лапидарности, вульгаризации с этой стороны отпадает сам собой, он попросту принесен со стороны. Пытаясь взять литературу как результат отношения к жизни той или иной социальной ячейки, В. Шулятиков не всегда верно устанавливал тот характер и направление деятельности, которые обусловлены производственным положением социальной ячейки. Тут у него были ошибки, но кто же не ошибается? Для нас важны не его ошибки при исследовании конкретного материала, а **его верная методологическая установка**. Важно подчеркнуть верную сторону мысли, так как об ошибках говорилось достаточно.

> Но гони природу в дверь, она взойдет в окно: молодые беллетристы и поэты, занимаясь строительством «обманов», возвышающихся над миром действительности, всеми своими произведениями говорят лишь об одном. Увлекаются ли они своими «свободными» полетами фантазии, занимаются ли созерцанием «тайны» мировой науки, решают ли они сложнейшие психологические загадки, создают ли они самые причудливые настроения,— они неизменно лишь подчеркивают «страхи» интеллигентского пролетариата за свое существование [48].

Тут как раз налицо эти две стороны мысли. Противопоставляя свой метод реальной критики таким критикам, как Скабичевский, Неведом-

[47] «Этапы новейшей лирики», стр. 142.

[48] «Восстановление разрушенной эстетики», стр. 73 - 74.

ский и др., В. Шулятиков часто увлекаясь, перегибал палку в об'яснении характера деятельности тех или иных социальных групп. Но путь его, повторяем, был во многом верен.

История лирики для него «есть история поучительной, постепенно совершившейся социальной диференцировки, идеологическая иллюстрация процесса сложения буржуазного общества, укрепления его на завоевываемых позициях» [49].

Если история лирики есть история сложения буржуазного общества, то ее мотивы есть мотивы буржуазии. Но В. Шулятиков далек от той мысли, что раз это буржуазия, то ничего иного кроме буржуазных мотивов и образов в ее творчестве нет и не может быть. Он понимает, что класс может брать и изображать другую среду, но когда?

> Отречение буржуазии от собственной культуры и усвоение ею культуры, созданной другим классом, нельзя понимать в буквальном смысле: заявляя о своих аристократических «симпатиях», в частности воскрешая художественное credo романтизма, буржуазия тем самым не выдает себе форменного и безусловного testimo nium paupertatis, не совершает акта заимствования чего-то совершенно чужого, не являющегося органическим продуктом ее собственной деятельности. Всякие заимствования могут иметь место только там, где они вытекают из реальных интересов заимствующего класса. Когда речь идет о различных реставрациях и воскрешениях, центр тяжести вопроса заключается не в том, что известная общественная группа берет нечто у другой группы, фигурировавшей некогда на исторической сцене, а в том, что среди первой группы развились известные тенденции, делающие возможным утилизацию старых идеологических форм. Другими словами, эти старые формы важны не сами по себе, а как отражение «нового», отражение «материальных» наслоений текущей жизни [50].

Как может быть понята эта цитата в общем контексте критики В. Шулятикова? — Она несомненно говорит о том, что класс обращается к старому, берет из него, отрекается от себя и т. д. Но все это не стирает его классовой сущности, так как все эти заимствования об'ясняются из характера деятельности класса. Не самый факт их наличия, а то, почему они имеются налицо,—вот что должно характеризовать классовость литературы. Отсюда например понятно, что причины за-

[49] «Этапы новейшей лирики», стр. 151.

[50] «Неаристократическая аристократия», стр. 153. Подчеркнуто везде мною. — *М.—Д.*

рождения аристократических мотивов в буржуазной атмосфере надо искать в условиях и характере деятельности буржуазии.

«Без сомнения,— пишет В. Шулятиков,— всякий класс, потерпевший «на жизненном пиру» неудачу, должен воспользоваться черными тонами для своих идеологических построений, но отсюда еще не вытекает, чтобы

> «мрачная» идеология была монополией только такого рода классов. «О тьме», «туманах», могилах и смерти могут говорить представители класса, вовсе не думающего в данный момент погружаться во мрак «ничтожества» или «небытия», а напротив, занимающего или собирающегося занять «на жизненном пиру» первое место. Конечно, тот, кому улыбается счастье, не станет рядиться при обычных условиях в траур, а предпочтет праздничные одежды. Но возможны и иного сорта случаи. «Могилы» и «смерть» могут для известной общественной группы сыграть роль символов, указывающих на путь, по которому она приближается к победе. С таким именно случаем мы имеем дело сейчас[51].

Тут В. Шулятиков блестяще показал, как глубоко он понимает связь искусства с его подпочвой, и не стремится сделать умозаключение от экономики прямо к идеологическому состоянию. Он очень тонко прослеживает, как социально-экономическая закономерность говорит на языке литературы.

Итак, по вопросу о суб'екте творчества В. Шулятиков считает, что таким суб'ектом всегда является тот или иной класс, что искусство рождается в результате отношения класса к действительности, что характер отношения класса, а стало быть и искусства обусловлен положением класса в общественном производстве. Следовательно, социально-экономическая закономерность говорит на языке литературы через класс. Чем же направляется практическая деятельность класса, что определяет ее характер? — В. Шулятиков стремится во всякой форме идеологии отыскать экономический интерес, который и есть основная пружина деятельности класса. Прежде всего, что такое экономический интерес? Как его понимает В. Шулятиков? Нужно заметить, что понятие экономического интереса у В. Шулятикова весьма расплывчато и не всегда употребляется им в одном смысле. Там, где всю деятельность класса он сводит к утверждению, будто бы класс ничего не знает кроме защиты своих экономических интересов, там он делает ошибку, так как часть принимает вместо целого, одну сторону отношения — за все от-

[51] «Неаристократическая аристократия», стр. 158. Подчеркнуто везде мною. — *Д.— М.*

ношение. Но там, где под экономическим интересом В. Шулятиков понимает материальные стремления, материальную деятельность, там, где понятие экономического интереса у него поднимается до понятия производственных, экономических отношений, там В. Шулятиков конечно прав. Таким образом, самая ошибка В. Шулятикова носит относительный характер. Экономический интерес как непосредственная, ближайшая цель класса конечно всегда присутствует в установке его практической деятельности. Материальная производительная деятельность людей движется прежде всего его интересом,— интересом, понимаемым не как определенная форма сознания, сознание индивидом выгодности того или иного положения, а интересом как необходимой движущей силой, вырастающей из того, чтобы жить, из того, чтобы иметь возможность «делать историю». Производство самой материальной жизни, производство средств, необходимых для удовлетворения самых насущных потребностей в еде и питье, жилище и одежде и т. д., является первым историческим делом людей.

> Это историческое дело является основным условием всякой истории, которое должно быть выполняемо ежедневно и ежечасно еще и поныне, как тысячи лет назад, чтобы сохранить только человека живым [52].

Отсюда понятно, что в основе деятельности той или иной социальной группы и лежит в первую очередь задача выполнения этого первого исторического дела. Это и есть ее экономический интерес. Таким образом, экономический интерес — это не сознание, не психическое, а это материальная направленность социальной группы, диктуемая самой необходимостью существования вообще. Дело, стало быть, не в том, что выгодно и что нет, а в том, что необходимо для того, чтобы вообще быть, существовать.

Отсюда понятый так экономический интерес присутствует в любой практической деятельности социальной группы и составляет центр его материальной деятельности. Однако отождествлять все формы отношения класса к действительности с экономическим интересом было бы уже ошибкой. В. Шулятиков не всегда избегал ее, но справедливость требует заметить, что рядом с ошибками у него же мы имеем и верную установку в этом вопросе.

> Однообразие, неподвижность жизни — могила для таланта; вопрос о таланте, т. е. о профессиональных способностях, яв-

[52] Маркс и Энгельс, Архив, т. I, стр. 219, Гиз, 1928 г.

ляется для известной общественной группы центральным фокусом ее интересов; «мещанская жизнь» до последней степени однообразна и неподвижна; отсюда вывод, обязательный для представителя названной группы: «мещанское царство» ужасно прежде всего и главным образом монотонностью своего колорита. Наружная настилка принята за фундамент здания: один из внешних показателей «мещанской культуры» об'явлен ее основой [53].

В. Шулятиков указывает, что художник руководствуется групповой эстетикой, групповыми интересами, групповым сознанием и т. д., но все это имеет тот смысл, что групповая направленность материальной деятельности обусловливает характер деятельности художественной, идеологической. И в этом утверждении ничего ложного нет. До отождествления двух рядов экономического и идеологического пока еще далеко. До замены производственного принципа принципом потребления не менее далеко. Если вопрос о профессиональных способностях, о таланте об'является основным, центральным отношением для определенной общественной группы, то это говорит не о том, что для этой общественной группы выгодно с точки зрения ее потребления центральным считать именно этот вопрос, а о том, что характер материальных отношений общества, положение этой группы в обществе, ее первое историческое дело, ее экономический интерес, ее производственные отношения определили, выдвинули в центр ее идеологической жизни именно этот вопрос, это отношение.

Не касаясь вопроса о том, верно ли В. Шулятиков определил основное отношение для творчества Чехова, отметим правильность его методологического пути в исследовании. Отыскав основное отношение, В. Шулятиков далее стремится развернуть на его основе понимание всего творчества писателя. Таким образом, основное отношение социальной группы к жизни служит для него той абстракцией, которая развертываясь охватывает всю конкретную действительность. Этот весьма существенный в общей методологии вопрос разрешается им на конкретном материале, что очень важно и может быть полезно и теперь. Нужно подчеркнуть, что, развертывая основное отношение социальной ячейки, В. Шулятиков очень тонко и метко намечает и богатство идеологических оттенков и их связь с «маховым колесом» экономики.

Прослеживая, как основное отношение развертывается на протяжении всего творчества художника, В. Шулятиков разрешал и другую не

[53] «Теоретические таланты жизни», стр. 190.

менее важную методологическую проблему,— проблему монистического понимания творчества писателя. Самый путь анализа показывает характер его монизма. Поскольку В. Шулятиков считал, что художник всегда является выразителем групповых стремлений и интересов, постольку он должен был проследить, как эти интересы он выражает на всем протяжении своего творчества. Монистичность понимания творчества не в том, что художник способен изображать только свой класс, что попытки изображения другого класса кончаются тем, что он обязательно переоденет их в костюм своего класса, а в том, что во всех созданных образах художник раскрывает отношение своей социальной группы. Это тем более было последовательно у В. Шулятикова, что первой задачей своего анализа он считал отыскание основного отношения. Таким образом, в вопросе о монистическом понимании творчества писателя В. Шулятиков шел в верном направлении. Недостаточная четкость его в этом вопросе об'ясняется тем, что он недостаточно выяснил, что отношение к миру, данное в художественном творчестве, гораздо шире экономического интереса. Деятельность класса в области художества определяется тем, что класс состоит в определенных отношениях к природе и обществу, но эта деятельность имеет множество сторон. Рисуя свое отношение к самому себе, к своему прошлому, настоящему и будущему, рисуя свое отношение к природе и другим классам, класс рисует разные картины, создает разные образы и таким путем раскрывает разные стороны своего отношения к действительности. Отсюда ясно, что все разнообразие образов, созданных художником, может быть связано и в действительности связывается единым отношением класса к миру, к действительности.

Но единое отношение класса к действительности об'ясняется тем, что он стоит как целое в производственных отношениях к природе и остальному обществу, как мыслящее и чувствующее начало, и в качестве такового, производя свою материальную жизнь, он производит свое мышление и его продукты. Экономические отношения класса определяют характер всей его дальнейшей деятельности. Творчество художника потому и монистично, что оно есть часть деятельности класса, результат его активного отношения к миру, есть форма раскрытия классом самого себя. Характеризуя положительное во взглядах В. Шулятикова, мы, как заметил читатель, пользовались его работами главным образом первого и третьего периодов. Однако, как было подчеркнуто выше, рядом с неверными положениями у него есть и верные мысли в работах второго

периода, которые мы и использовали для характеристики его методологических воззрений. Наша работа ни в какой мере не претендует на исчерпывающую полноту «проблемы Шулятикова». Наоборот, мы предполагаем, что дальнейшее исследование даст возможность уточнить набросанную нами схему развития В. Шулятикова, более подробно характеризовать его в отдельные периоды, выяснить такие вопросы, как «Шулятиков и большевизм» и т. д.

Сейчас мы остановились на некоторых моментах методологии В. Шулятикова, иллюстрируя их его литературоведческими работами, но и они показывают, что у него много ценного. Мы бросили беглый взгляд на В. Шулятикова-философа, установили корни его ошибок как в философии, так и в литературоведении. Мы связали В. Шулятикова с современностью, пытаясь показать, как верно и насколько далеко шел он в постановке некоторых методологических проблем и насколько неверно к нему отношение, воспитанное косностью мышления и традицией, которую пора пересмотреть. Настоящая статья и является попыткой пересмотра этой традиции.

Ю. Добранов

ЕВГЕНИЙ СОЛОВЬЕВ-АНДРЕЕВИЧ И ЕГО ПОПЫТКА СОЗДАТЬ ПЕРВУЮ МАРКСИСТСКУЮ СХЕМУ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Отнесение Е. Соловьева-Андреевича к марксистам, как будет видно дальше, весьма условно. Мы выделяем его из массы марксистских и близких к марксизму литературоведов и критиков девяностых и девятисотых годов только потому, что он единственный из них попытался дать **общую оценку** всей истории русской литературы, долго считавшуюся марксистской: не так давно еще его работы рекомендовались в вузах в качестве марксистских работ.

Цель нашей статьи выявить по двум основным трудам Соловьева-Андреевича — «Очеркам по истории русской литературы XIX в.» и «Опыту философии русской литературы» — его концепцию, ответив на следующие три вопроса: 1) удалось ли Соловьеву-Андреевичу построить исчерпывающую схему развития русской литературы? 2) является ли построенная им схема марксистской? 3) каково значение Соловьева-Андреевича в истории марксистского литературоведения?

Какой универсальный критерий положить в основу отбора подлежащих включению в историю литературы литературных явлений? Может ли быть таким критерием **художественная значимость** произведения или писателя, отводимая историко-литературной традицией? По мнению Соловьева-Андреевича, это — дело критика, интересующегося писательской индивидуальностью как центром сложного творческого комплекса. Историку, а тем более философу литературы нужны не индивидуальные миры хотя бы и величайших художников слова, а «рассмотрение господствующей идеи и роли в которых определилось особое лицо и характер (литературы), а также (рассмотрение) ее жизни в ее **необходимом** развитии». Таким образом, критерием отбора признается

«господствующая идея» литературы, единая на всем протяжении литературного развития. Этой первоначальной предпосылкой определяется весь дальнейший ход идей Соловьева-Андреевича. Прямым следствием ее является исключение из истории литературы фактов хотя бы и значительных художественно, но не нужных для понимания развития «господствующей идеи». Эстетическая оценка литературных явлений выбрасывается за борт истории литературы, Соловьев-Андреевич решительно и бесповоротно отказывается от изучения проблем «стиля», «образа», «жанра», от изучения всего, что составляет спецификум художественной литературы. Он рассматривает художественную литературу не в ряду искусств, а скорее в ряду таких идеологий, как право, философия, история, экономика, политика и т. д. Соловьев-Андреевич, отталкиваясь от понятия «господствующей идеи», историю литературы свел к истории общественной мысли. Художественная литература играет в его построениях только роль центральной магистрали, проходящей по сложному явлению общественной мысли. Воюя против превращения истории литературы в историю «генералов от литературы», сводя роль личности в истории литературы к роли «громкоговорителя» класса, отрицая начисто биографизм даже в качестве подсобного средства, даже для изучения «индивидуального оттенка» в значении великого писателя, Соловьев-Андреевич встал перед другой опасностью — превратить историю литературы в историю «генералов от общественной мысли». Чтобы предотвратить эту опасность, ему необходим был новый критерий для ориентации, на этот раз уже в явлениях самой литературно-общественной мысли. Отбор не «по генералам», не по тому, кто высказал мысль, а по тому, какое она имеет значение, требовал этого. Вслед за определением значимости литературного факта, по его общественной значимости надо было определить меру самой общественной значимости. Не одним, а многими, часто весьма извилистыми и окольными путями развивается общественная мысль, и на разных ее дорогах одно и то же явление имеет неодинаковую общественную значимость.

Соловьев-Андреевич это понимает и ищет столбовую дорогу социальной и следовательно и литературной истории. Он находит ее в борьбе общества и литературы за освобождение личности: «Господствующую идею нашей литературы я определяю, как аболиционистскую, освободительную. Для меня литература — борьба за освобождение личности и личного на-

чала прежде всего. Указать и определить главные моменты этого процесса — вот моя цель».

Метод построения историко-литературной схемы Соловьевым-Андреевичем был таким образом найден; казалось, можно было приступить к конструированию схемы истории русской литературы. Но тут на сцену выступил факт, осложняющий задачу. Это — несомненная зависимость новой русской литературы (XVIII и XIX вв.) от литературы Запада. Еще в 1834 г. русская литература казалась Белинскому одновременно и «французской, и английской, и немецкой, и итальянской», словом — общеевропейской. С тех пор, несмотря на значительную эмансипацию русской литературы второй половины XIX в. от европейских влияний, самый факт заимствования продолжал существовать. Этого не отрицал и конечно не мог отрицать, кажется, никто из русских историков литературы; не отрицал и Соловьев-Андреевич. Ему предстояло разрешить две задачи: 1) имеет ли русская литература, несмотря на сильное европейское влияние на нее, свой особый оригинальный характер? и 2) вскрыть причины европейского влияния, построив общую социологическую теорию заимствования. Соловьев-Андреевич не пытался найти общей формулы литературного заимствования (это сделал в основном Плеханов), но первую эмпирическую задачу ему было необходимо разрешить для того, чтобы доказать возможность истолкования русской литературы в свете социальных явлений самой русской жизни, а не в свете литературы и жизни Западной Европы, как это было бы необходимо, если бы рассматривать русскую литературу только как «перевод с европейского».

Соловьев-Андреевич утверждает, что русская литература имеет ей одной присущие ценности, что эти ценности есть следствие своеобразия русского исторического процесса. Вместе с историками литературы либерального и народнического направления он отмечает в русской литературе черты «общественного служения», ее проповеднический и героический характер: «Литературе как искусству мы всегда отводим последнюю роль и очень высоко ставим ее как проповедь». «Мораль тяжелая и требовательная, возлюбившая страдание жизни, совестливо отстраняющаяся от ее радостей, мораль ответственности, раскаяния и грозного «ты должен» властвует над нашей литературой».

Этими утверждениями об особом, не встречающемся на Западе этическом характере русской литературы, теснейшим образом связанном с своеобразием русского исторического процесса, Соловьев-Андреевич крайне сужает границы доступных его об'яснению литератур-

ных явлений, что обнаруживается тотчас же, при практическом построения историко-литературной схемы; у него выпадает XVIII в. в лице его классических представителей: Державина, Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковского и т. д. Днем рождения русской литературы он считает 1790 г., год выхода из печати знаменитой книги Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву». М. Н. Покровский в своей «Русской истории» тоже отмечает выход книги Радищева как исторический рубеж. Радищев, по мнению М. Н. Покровского, первый русский буржуазный революционер, и именно выходом в свет его книги открывается первая страница буржуазной революции в России...

Если мы вспомним, что Соловьев-Андреевич выбрал в качестве «ариадниной нити», долженствующей провести его по лабиринту русской литературы, идею освобождения личности, то факт совпадения дня рождения русской литературы у Соловьева-Андреевича и дня рождения буржуазной революции у М. Н. Покровского совершенно раз'яснится.

Наше утверждение, что Соловьев-Андреевич подменил историю русской литературы историей русской общественной мысли, придется уточнить и формулировать вывод так: Соловьев-Андреевич подменил историю русской литературы историей революционной общественной мысли, причем считал, что русская революционная мысль и следовательно и русское революционное движение имеют черты своеобразия, резко отличающего их от аналогичных явлений на Западе. Это своеобразие, поскольку оно проявилось в литературе, Соловьев-Андреевич видит в этическом характере русского литературного и русского революционного (для Соловьева-Андреевича эти два понятия совпадают) движений. Этот момент привнесения этики, причем этики неизменной впродолжение целого столетия, сообщает всей русской историко-литературной и следовательно для Соловьева-Андреевича и исторической схеме телеологический характер. Русское литературное и историческое развитие направлено к освобождению личности, оно должно освободить личность через освобождение общества и освобождает его попутно с освобождением общества.

Этому долженствованию дано Соловьевым-Андреевичем этическое обоснование: необходимость преобразования общества и освобождения закрепощенной человеческой личности растет не из об'ективных данных экономического развития, а из стремления человечества и прежде всего русских («героический характер» русской литературы) к освобождению и справедливости.

Неопубликованные записи Соловьева-Андреевича, любезно предоставленные нам его вдовою, только подтверждают это. В них Соловьев-Андреевич неоднократно подчеркивает, что «мы возвращаемся к мысли Герцена об образовании и зарождении новой религии». Его занимает христианство: «Христианство основано на начальном заблуждении, что солнце вертится вокруг земли. Геоцентрическая религия нас уже удовлетворить не может», заметьте: удовлетворить не может только геоцентрическая религия, а не вообще религия. Мы живем в мире сущего, но есть и мир должного. Но этот мир должного на земле, не на небе. Новая религия, какая бы она ни была, должна ставить земные цели, раскрывающиеся в истории.

Соловьев-Андреевич ищет социальную религию, резко отмежевываясь от христианства, но сохраняет воспитанные христианством понятия о вневременной этике: «Мир должного от сущего отделен смертью и страданием. Это христианство». В новой религии этот мир будет «отделен подвигом, страданием и развитием».

Телеологическое понимание истории, искание «правды-справедливости», постоянное оперирование такими «историческими» категориями, как «чувство чести», «совесть», глубочайшее убеждение в возможности вневременной этики вместе с несомненно материалистическим, даже грубо материалистическим пониманием отдельных исторических фактов, с приверженностью ко всему «земному» и ненавистью к метафизике, смыкает Соловьева-Андреевича через Герцена с народничеством.

Эклектическое смешение механического материализма с суб'ективным идеализмом породило историко-литературную концепцию Соловьева-Андреевича и, как мы надеемся показать дальше, обусловило все его историко-литературные суждения.

II

Порочность, с точки зрения диалектического материализма, общей предпосылки об единой и неизменной «господствующей идее» привела его к суб'ективному идеализму.

Существование в литературе единой «господствующей идеи» предполагает тождественность социальной структуры России на всем протяжении XIX в. или во всяком случае устойчивое господство одного и того же класса.

Известно, что этого не было, что как раз XIX в. В России ознамено-

вался борьбою промышленного капитала с блоком дворянства и торгового капитала, не говоря уже о растущем революционном движении пролетариата, слабее представленном в художественной литературе. Далее «господствующая идея» должна явиться идеологической функцией социального господства и потому необходимо должна быть связана с правящим классом. Как же она могла быть революционной?

Ответ на этот вопрос был затруднителен и для Соловьева-Андреевича, и, чтобы связать эти, не могущие быть связанными в пределах марксизма концы, он, придерживаясь марксистской фразеологии, оперируя такими понятиями, как диалектика, триада, построил концепцию развития русской литературы, полную крайнего суб'ективизма и исторической неправды.

Приняв днем рождения «господствующей идеи» выступление Радищева, Соловьев-Андреевич отчетливо и ярко, хотя и слишком упрощенно, намечает литературную «триаду». Твердо установив дворянский характер русской литературы первой половины XIX в. (марксистский элемент в эклектической по существу концепции), Соловьев-Андреевич из анализа дворянского сознания, весьма своеобразно понимаемого, а не из анализа социального бытия дворянства пытается вывести диалектику «господствующей идеи» русской дворянской литературы. Эта первая историко-литературная триада имеет целиком внутридворянский характер.

Радищев в качестве отца дворянского самосознания — теперь это поистине «зрелище для богов»!

Дворянская литература, якобы начатая Радищевым, под пером Соловьева-Андреевича превратилась в литературу классовых самоубийц. Не видя охранительного течения в дворянстве, просмотрев процесс капитализации русского дворянства, обусловивший такое явление, как декабризм,— процесс во многом проливающий свет на творчество Пушкина и Лермонтова и всей литературы первой половины XIX в.,— Соловьев-Андреевич был принужден подхватить теорию эмансипации сознания «лучших» представителей дворянства от собственного классового бытия, теорию, наложившую свою печать на всю русскую либеральную и радикальную историографию. Ход его рассуждений таков: «Административный путь — излюбленный путь нашей истории».

Из взаимодействия сложных исторических причин: татарского ига, экономической отсталости и вызванной ею скудости и инертности нашей духовной и политической жизни, из хозяйственного и узкопрактического мировоззрения наших высших сословий выросла огромная и деспотиче-

ская власть русского государства. Государство подчинило себе и церковь, и общество, и хозяйство. Общество молчало, бессильное перед государством, а государство олицетворяло себя в бюрократии. Не аристократическим, а бюрократическим духом проникнута русская история. Русский самодержец — не первый дворянин отечества, не «primus inter paris», как то было в Западной Европе, а татарский хан, перед которым любой аристократ — только ничтожный холоп. Русские дворяне — рабы перед царскою властью, и на всем почти протяжении истории они не гнушаются этим рабством.

Они — рабы царя, но эта царская власть дает им возможность иметь своих рабов — крепостных. Аристократическое чувство независимости и чести было порублено, повешено и четвертовано еще Иваном Грозным. Личность или не сознавала себя, или, если и сознавала, казалась самой себе такой ничтожной перед государством. Дворянство, создавшее русскую литературу, получило в наследство от своих отцов вместе с богатыми угодьями и крепостными душами холопье унижение перед царем и царским опричником и оплеванную, униженную, сведенную лишь к физиологии личность. «Мы продали свое человеческое достоинство за нечеловеческие права над своими ближними»,— с охотою цитирует Соловьев-Андреевич патетический афоризм Герцена. Чтобы создать литературу, которая, по мнению Соловьева-Андреевича, возможна только с проявлением самосознания личности, надо было отречься от «нечеловеческих прав», от всей системы, сводившей личность к нулю и выраженной в формуле: «Самодержавие, православие и народность», социальным фундаментом которой было крепостное право. Поэтому лучшие люди русского дворянства, чтобы дать возможность проявиться своей собственной дворянской личности, принуждены были восстать против системы, обеспечивающей их же собственные интересы как сословия. Оставаясь по всей своей психологии барами, кровно связанными с патриархально-крепостническим укладом русской жизни, они декретировали права своей выросшей по-западному культурной личности и этим же самым декретированием подписали себе как сословию смертный приговор. Так появилась на свет новая русская литература — литература классовых самоубийц.

Постоянное взаимодействие двух влияний — западноевропейского индивидуалистического и в своих социальных корнях капиталистического и русского патриархально-земледельческого — породило русскую дореформенную литературу. Запад воплощался в осознавшей себя дворянской

личности, противопоставлявшей личное окультуренное сознание собственной классовой среде; Россия воплощалась в этой самой среде, в самом «обломовском» быте русского поместья. В разных группах нашей дворянской интеллигенции далеко не с одинаковой силой звучали эти два основные, но противоборствующие мотива. У одних доминировала личность с ее новыми запросами, порожденными Западом, у других с неудержимой силой влекло к себе старорусское патриархальное бытие. Раздвоившись в чаяниях и оценках, дворянская интеллигенция окончательно оформила и подытожила свои стремления в двух «основных» идеологических направлениях первой половины XIX в.— в западничестве и славянофильстве. Так возникла у Соловьева-Андреевича первая малая внутридворянская «триада». Отчетливым тезисом этой «триады» явилось, конечно славянофильство, которое Соловьев-Андреевич называет «попыткой дворянского самоопределения».

Антитезисом было западничество. Синтезом стал Герцен.

«Пушкинская плеяда» поэтов, сам Пушкин, Грибоедов — вся эта блестящая первая четверть XIX в., наконец Лермонтов, выпала из построений Соловьева-Андреевича. На «Прокрустовом ложе» соловьевской схемы Пушкину и Лермонтову невозможно было улечься.

Есть и еще одна причина: они были поэты. А с поэзией вообще и в особенности с лирикой у Соловьева-Андреевича не клеится: в лирике литературный спецификум (образ, ритм) особенно важен: идея получает бытие только через «глубину выражения», общественная значимость, за исключением немногих образцов, не вскрывается сразу.

Соловьеву-Андреевичу с его односторонним для историка литературы интересом к общественной мысли, с его полным пренебрежением к форме нечего или почти нечего было делать с лирикой, и потому он молчал.

Зато он сразу обретает голос, когда попадает в московские гостиные тридцатых и сороковых годов, в атмосферу общественных споров между славянофильством и западничеством.

Не видя социальных корней ни славянофильства ни западничества, впав при прокламировании «административного пути» русской истории и надклассовой роли самодержавия в грех либерального истолкования русского исторического процесса, строя свою внутри-

дворянскую «триаду» идеалистически как столкновение дворянского сознания с породившим его дворянским же бытием, не видя процесса перехода части дворянства на буржуазные рельсы,— Соловьев-Андреевич трактует борьбу славянофилов с западниками как борьбу дворянского коллективизма с дворянским индивидуализмом, ни слова не говоря, почему одни баре стали «коллективистами», а другие «индивидуалистами».

Обладая несомненным чутьем реального и порой близко подходя к разгадке западничества как буржуазного течения русской общественной мысли, Соловьев-Андреевич не доходит до социологической четкости, нигде не называет теории славянофилов и западников их истинными именами.

Дойдя до понимания славянофильства как реакции земледельческой страны против грядущего капитализма, он как бы забывает классовое происхождение и классовую роль славянофильства, придает ему общенародный характер и тем самым непомерно и неправомерно раздувает его значение. Аналогичную ошибку совершает он и с западничеством. Западники, по мнению Соловьева-Андреевича, те дворяне, которые, понимая (!), что капиталистическая культура несет им гибель как классу, все же приветствуют капитализм, так как он раскрепощает (!) их как индивидуумов. Куда же девать тогда такого например ярого западника, как Б. Н. Чичерин? Соловьев-Андреевич переоценил дворянские ламентации о меньшом брате, дворянское жаление мужика.

Тургенев, Григорович и другие ввели его доверчивость в заблуждение. По мнению Соловьева-Андреевича, определяющий психический фермент славянофильства, чувство совести, взаимопомощи, христианских народных начал и определяющее психический фермент западничества — чувство чести, жажда права — нашли свой синтез в личности Герцена. Герцен для Соловьева-Андреевича — высшая точка дворянской триады. Его особенно увлекает то обстоятельство, что Герцен с потрясающей силой провозгласил права личности: «Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее — продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для примирения с богом, распятие невинного за виновных. Все религии основывали нравственность на покорности, т. е. на добровольном рабстве, потому они и были всегда вреднее политического устройства. Там было насилье, здесь разврат воли». Неплохо поняв один из факторов суб'ективной драмы Герцена — непримиримую борьбу в нем барских привычек и крайнего индивидуализма с революцион-

ностью, Соловьев-Андреевич совершенно не понял, попросту игнорировал глубочайшую социальную основу всей драмы Герцена в ее целом.

Об этой драме так говорил Ленин, подчеркивая в суб'ективной драме Александра Ивановича Герцена ее огромный об'ективный смысл:

«Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела».

Роль Герцена как мыслителя, раскрывшего еще в половине прошлого столетия конец революционности у буржуазной демократии Запада и этим пошедшего дальше некоторых течений народничества, осталась Соловьевым-Андреевичем непонятой: он видел в Герцене только предтечу народничества.

Силы самоутверждения и самоотрицания дворянства, создавшие диалектику рассмотренной внутридворянской триады, синтезировались в Герцене. Этот синтез был характерен, по мнению Соловьева-Андреевича, для всей дворянской литературы средины XIX в. Особенно характерен Тургенев. Большая культура, но уже пресыщенная, усталая, ленивая, созерцательная, неспособная к активности, несмотря на живую политическую заинтересованность и бодрые призывы к новой строительной жизни, чувствуется в нем. Его «малый разум» видит и «благословляет» новую дорогу России. «Большой же разум» протестует, плачет и скорбит об уходящих в вечность дворянских гнездах. Этому дворянскому комплексу ощущений, определяемому Соловьевым-Андреевичем как синтез внутридворянской малой триады и тезис новой большой триады, противостоит в качестве антитезиса разночинец шестидесятых годов. Определяя в общем правильно психический комплекс разночинца указанием на его индивидуализм, рационализм, утилитаризм, склонность к материализму и социальный оптимизм, подчеркивая, что «барин сороковых годов сильно чувствовал, а разночинец шестидесятых страстно хотел», Соловьев-Андреевич даже и не пытается вскрыть социальной направленности этого психологического комплекса, очевидно считая эту направленность само собой понятной. Не пытается он также провести социальную диференциацию среди основных течений разночинной мысли шестидесятых годов, помещая за одни социальные скобки Писарева и Чернышевского.

Резко говоря о «тупиках» нигилизма, Соловьев-Андреевич считает, что в конце концов нигилизм шестидесятых годов синтезировался с

дворянской культурой, усвоив от нее идеи долга, расплаты с народом, разочарование барина в европейской культуре, мечты об особом мессианском пути России. Синтезом дворянской культуры и разночинного нигилизма стало народничество. Почему произошел этот сомнительный синтез, какие социально-исторические причины лежали в его основе,— об этом Соловьев-Андреевич судит крайне поверхностно и упрощенно. Народничество, по его мнению, было реакцией земледельческой страны на возникновение капитализма.

Для определения генезиса народничества он повторил почти слово в слово сказанное им о славянофильстве, совершенно отвлекшись от реальных классовых корней того и другого явления и от исторической обстановки, в которой они возникли. Такая скудость социального анализа народничества тем более удивительна, что идеологическому анализу народничества Соловьев-Андреевич посвятил главную часть своих работ, что именно в народничестве, по его мнению, «раскрылось все содержание нашей литературы, вся своеобразность ее личности, глубина ее нравственных запросов и все влияние особенной создавшей ее истории».

Народничество для Соловьева-Андреевича есть высший синтез литературного развития России XIX в. Оттого восьмидесятые и в особенности девяностые годы, когда классическое народничество явно пошло на убыль, кажутся ему каким-то умиранием литературы. Последняя литературная фигура, которая его сильно занимает,— Лев Толстой.

Отразивший в своем творчестве реакцию крестьянской страны на процесс внедрения капитализма, Лев Толстой является для него итогом народничества, а следовательно и концом всей его схемы. Другие великие писатели: Достоевский, Чехов, не укладывающиеся в его схему, остаются мало освещенными или вовсе неосвещенными. Куда например отнести Достоевского? Во внутридворянской триаде для него нет места, в разночинском антитезисе шестидесятых годов — тоже, в народничестве — тоже. Или что сделал Достоевский для освобождения русского общества и русской личности? И Достоевский остается беспризорным, где-то на боковых тропинках русской литературы. Чехов и вся послечеховская литература, символизм, декадентство, совсем не осмысляются Соловьевым-Андреевичем в историко-литературном плане.

Чехов, по его мнению, тосковал на разоренном капитализмом месте, а почему тосковал именно Чехов,— неизвестно. Еще недоступнее для его понимания символисты, знаменовавшие собою первый этап капиталистического перерождения русской литературы.

Голая ненависть к символизму, к декадентству, лишенная всякого понимания этого явления, продиктовала Соловьеву-Андреевичу следующую его оценку: «У них (декадентов) есть смелость, порою дерзость писать плохие и непонятные, интригующие, как шарада, стихи, рассказы, драматические симфонии и взаимно расхваливать друг друга. Словом, у них есть бумага, станок, издатели, все виды литературного оружия, распределение сил, сознание своего единства, но нет таланта и нет влияния».

Таким образом исчерпывающие схемы русской литературы Соловьеву-Андреевичу построить не удалось. Его схема, игнорирующая XVIII в., вскользь касающаяся пушкинской поры, не об'ясняющая Гоголя, Достоевского, Чехова, считающая символизм лишенным значения, не может претендовать не только на исчерпывающий характер, но и вообще на литературоведческое значение. Она искажает историю русской литературы в угоду предвзятым и немарксистским постулатам о «господствующей идее» литературного развития, об освободительном героическом характере русской литературы, о возможности игнорирования как не имеющих историко-литературного значения таких кардинальных проблем, как проблема стиля, образа, жанра.

Схема Соловьева-Андреевича есть схема не истории литературы, а истории общественной мысли, притом мысли только прогрессивной. Но и как схема истории прогрессивной мысли она неудовлетворительна и не имеет почти ничего общего с марксизмом. Диалектику общественного сознания Соловьев-Андреевич трактует почти везде как имманентный процесс; в понимании русского исторического процесса он стоит на позициях либеральной историографии, разделяя такие ее утверждения, как особый «административный путь русской истории», «внеклассовость самодержавия», борьба дворянского сознания против социальных основ дворянства и т. д. Эклектическая философия, в которой смешаны элементы механического материализма и суб'ективного идеализма, диктует Соловьеву-Андреевичу его литературные высказывания. Его концепция может служить прекрасной иллюстрацией теоретической беспомощности мелкобуржуазного радикала-революционера в эпоху, когда мелкобуржуазный радикализм уже изживал себя и не мог больше жить народническими иллюзиями. Отсюда его устремление к марксизму, хотя механически и просветительски понятому.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Еще в 1911 г., после выхода в свет первых книг Гундольфа и Унгера, основателей духовно-исторической школы в немецком литературоведении, всем стало ясно, что дни историко-филологического метода сочтены. Тогда уже Пауль Меркер увидел, что наступил благоприятный момент для выработки плана и теоретической платформы новой немецкой литературной энциклопедии — с переоценкой всех ценностей старых школ, с устранением биографизма, филологии, чистого формализма в литературной науке и для об'единения всех новых литературоведческих сил вокруг метода, названного им «реалистическим» или «социально-литературным». Но план такой энциклопедии был тогда отвергнут осторожными капиталистическими издателями.

После войны Меркер совместно с В. Штамлером осуществил свое намерение «переоценки всех ценностей» в духе нового буржуазного мировоззрения и издал вышеупомянутую энциклопедию[1]. Она собрала актив сотрудников свыше 100 человек. Но о строгом проведении какого-нибудь единого литературоведческого метода и речи быть не могло; редакторы-издатели с самого начала были вынуждены пойти на компромисс с духовно-исторической школой, подчеркивая особенно лишь «роль «реальных факторов», а в прочем — ограничиться некоторыми общими программными положениями, наиболее характерными для послевоенного немецкого буржуазного литературоведения: отказ от биографизма и чистого формализма, историко-филологической и историко-культурной интерпретаций литературных явлений. Свои принципы издатели формулировали следующей декларацией в предисловии к энциклопедии:

«Всеобщая научная установка за оба последние века, продолжая, само собой разумеется, учитывать личный момент, выявила повсюду

[1] Reallex kon der Deutschen Literaturgeschichte, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehriter, hrsg. von Paul Merker und Wolfgang Stammler, Berlin, 1925—1929.

сильную склонность к сверхличному, типическому, всеобщему, принципиальному и наряду с историей литературы как искусства довела до полного развития духовно-историческое литературоведение; но этому реальному (sachlichen) моменту она придала несоразмерно большое значение. Литературная жизнь представляется уже не только полем действия творящих образы личностей, но одновременно выявлением более глубоко лежащих течений, направлений, модных стилей, изменений вкуса. Изучение развития литературных форм, видов, родов, которым раньше занимались отдельные лица и случайно, ныне резко выступило на первый план интереса. Всюду ясна сила общих течений и настроений, литературоведческая мысль ревностно изучает продольные сечения и линии развития от начала до конца; личное и единичное расчленяются на волнообразные движения высшей истории духа и цивилизации. Но вместе с этим реальные основы (действительные ценности) истории литературы, т. е. совокупность сверхличных факторов и факторов, подчиненных личности, сделались в несоизмеримо большей степени, нежели раньше, предметом исследования и интереса... В этом смысле... энциклопедия стремится в первый раз сделать господствующим принципом точку зрения изучения фактов и формы».

Немецкая литературная энциклопедия является самым монументальным памятником современного буржуазного литературоведения «социально-литературного» и духовно-исторического направлений на Западе. Конечно, она не выдержана на все сто процентов ни в одной методологии; конечно, в ней имеется немало статей формально-эстетической интерпретации литературоведческих терминов и явлений,— в конечном итоге ее методология эклектична. Но все же буржуазно-социологическая трактовка литературы и искусства занимает в ней видное место, и поскольку это направление имело и имеет до сих пор сторонников и у нас в СССР и считается в некоторых критиках чуть ли не марксистским методом,— может быть, небезынтересно и небесполезно найти социальные и философские корни этого социологизма и тем самым вскрыть его антимарксистскую сущность. В своем анализе мы будем ограничиваться основными произведениями главных представителей двух течений в немецком социологическом литературоведении: Меркера и Шюккинга.

Пауль Меркер — главный редактор энциклопедии — основатель «социально-литературного» метода. Этот метод, по определению З. фон-Лемпицкого в энциклопедии, «при анализе литературно-

исторического развития считается с социальной группой общества».

Левин Шюккинг — самый выдающийся представитель так наз. направления литературного вкуса, рассматривающего историю литературы по преимуществу как эволюцию литературного вкуса; ибо, как предполагает Лемпицкий, «истинной проблемой социологического исследования литературы является отношение между потребителем (публикой) и производителем. Это отношение, при котором критик выступает в роли посредника, исчерпывает литературную жизнь».

Меркер противопоставляет свой социально-литературный метод прежде всего «чисто исторически-суммирующему исследованию», т. е. биографическому методу, и провозглашает как «первичное» — определяющее литературу «общее историко-эпохиальное, единственно проливающее свет на вторично-подчиненное явление личности и об'единяющее его»[2]. Вместо произведения единичного, отдельной личности центр тяжести переносится на societas litterarum, на общую духовную и литературную структуру эпохи. Он ни в коем случае не склонен умалять значения «великой руководящей личности» и в литературе, но все же вынужден констатировать:

> Нас каждый раз поражает, до какой степени отдельные литературные деятели, даже великие и величайшие, без исключения или за очень редкими исключениями, захвачены современными им общими идеями и литературными направлениями... как при таких обстоятельствах ясно видно, что какое-нибудь лирическое стихотворение, роман или драма,— в своей внутренней и внешней форме, во всем своем построении, во всех деталях своей техники и своего стиля, в своих образах и символах, в своей ритмике и течении речи, в своем выборе слов, вплоть до epitheta ornantia,— являет собою верное отражение своеобразия духа его эпохи (l. c., стр. 50).

Но Меркер решительно возражает против теории среды Тэна: она для него слишком материалистична, «в то время как у него нигде не отводится надлежащего места истинному состоянию духа эпохи». Он также и против теории переживаний Дильтея и его школы, ибо она не вскрывает «неясного стремления эпохи к определенной форме, к инстинктивной подчиненности творящего способности восприятия и своеобразию выражения, свойственным его времени».

---

[2] При кратком изложении метода Меркера мы пользовались главным образом его книгой «Neue Aufgaden der deustchen Literaturgeschichte», Leipzig und Berlin, Teubner, 1921.

Для своего метода исследования Меркер выдвигает пять факторов, охватывающих, по его мнению, весь комплекс проблем художественности и литературы.

1. Совокупность выступающих в данную эпоху литературных явлений высказывает родственные черты. Некоторой сфере сюжетов и мотивов оказывается чрезвычайное внимание. Особенно же формальные свойства возвращаются с поразительной правильностью. Каждая эпоха имеет свой эпохиальный стиль, «причем и этот стиль эпохи, как и все, захваченное потоком развития, никогда не остается постоянным, но все время меняется, переживая весеннее цветение, летний расцвет, осеннее увядание и зимнее оцепенение, в особенности же надо отметить, что характер стиля почти никогда не представлен в чистом и безоговорочном виде, но новое и старое, подлинное и ненастоящее, чистые и перекрещивающиеся моменты стиля существуют или проникают друг друга. Однако основное стилистическое направление перевешивает настолько, что о нем можно говорить как о типическом формальном характере данной эпохи». При этом Меркер особенно подчеркивает, что история развития литературных стилей еще не написана, а также мало исследован вопрос о взаимоотношении формы и содержания. Ему кажется совсем не состоятельным решение этих вопросов формалистами, и он полагает, что исследование формы должно быть построено историко-генетически, «не только констатируя и каталогизируя, но исследуя каждый раз причины возникновения и более глубокие условия господствующей литературной формы и ставя ее в связь с общей духовной и культурной структурой данного времени».

2. Социально-литературный метод исследует также каждый раз вкусы эпохи. Если история стиля исследует происхождение литературного произведения, то история литературного вкуса,— «развитие литературной жизни со стороны воспринимающей публики и взаимное влияние производства и потребления. Ибо при своей работе поэт в большинстве случаев думает — сознательно или бессознательно — об определенной публике, на которую он хочет влиять». Причем необходимо принять во внимание не только литературный вкус широких масс, но и превышающий средний уровень вкус высших слоев общества.

3. Определяющим фактором является «теория поэзии», так как фактически теория и мнение ученых оказывали во все времена неоспоримое влияние и давали решающий толчок как поэтической практике, так и критике. Значение имеют также и программы и платформы литера-

турных групп, в частности для драмы же — драматургические воззрения и театральные принципы, так как они предписывают «производству» определенные пути.

4. В большей или меньшей степени определяющим фактором является и влияние иностранных литератур; между народами происходит постоянный оживленный обмен идеями, и не только идеями: «В громадной степени воспринимаются сюжетные импульсы и формальные направления, так что более глубоко проникающая национальная история литературы возможна только в ее связи с мировой литературой». Меркер поэтому требует создания «литературоведческой географии путей сообщения, которая, уничтожив литературные рамки и исследуя сферы влияния определенных художественных центров... могла бы привести к интересным выводам».

5. Последний фактор — это теснейшая связь литературы с остальными областями искусства, а также с наукой, мировоззрением и т. д. эпохи. Графически Меркер представляет свою схему обусловленности литературного произведения в такой последовательности: мировоззрение, стиль эпохи всех искусств, теория поэзии, иностранная литература, литературный стиль эпохи, произведение писателя.

Решающим фактором в последней инстанции, вообще базисом литературы, по Меркеру, является господствующее мировоззрение эпохи: ее основное направление в конечном итоге решает вопрос о родственном характере стиля отдельных искусств и стоящих вне искусств культурных наслоений; «но только при одновременном и социально-литературном изучении, принимающем также во внимание социологические зависимости и более глубокие подземные течения литературной жизни, литературовед может надеяться вполне справиться со своей задачей». Причем Меркер требует, чтоб искусствовед при исследовании стиля эпохи не ограничился произведениями «высокого стиля», а в такой же мере привлекал бы и искусство садоводства, мебельной техники, парикмахерских мод и т. д. Ибо для всех этих «искусств» «жизнедарующим центральным солнцем» так же, как для литературы, является господствующее мировоззрение.

Как мы видим, Меркер во многих пунктах своей концепции тесно соприкасается с тем направлением в духовно-исторической школе, которое возглавляется Унгером, с той однако существенной разницей, что первый в своей системе переносит центр тяжести не на индивидуальное творчество, а на социально-психическую структурную связь всего

культурного комплекса, противопоставляя теории переживаний, интуиции и бессознательному — социологически-обусловленный и сознательный процесс, а идеалистической диалектике — позитивизм.

Уже в концепции Меркера художественный вкус эпохи считается одним из главных факторов, обусловливающих литературное произведение. Но свое развитие как основной фактор художественный вкус получил лишь в концепции проф. Левина Шюккинга[3]. По сравнению с Меркером эта концепция, казалось, означает определенный шаг вперед в смысле дифференциации и социологизации литературного процесса. Шюккинг прежде всего устанавливает, что нет какого-то единого «духа времени», источника и «базиса» метода Меркера и духовно-исторической школы, а нужно говорить «о господстве определенного вкуса в определенное время» (1— с., стр. 19). Что такое «дух времени» по Шюккингу? — «Само собою разумеется, что всякое искусство соответствует определенному мировоззрению, которое и понимается под «духом времени». Но таких мировоззрений в каждой эпохе несколько. «Резче всего выступают группы, сложившиеся в результате социального расслоения. Разная социальная атмосфера порождает разные общественные идеалы» (стр. 23). Какой из этих общественных идеалов является господствующим в искусстве данной эпохи? — Мировоззрение определенной группы,— отвечает Шюккинг,— признаваемой передовым культурным слоем. Но и это понятие, оказывается, не однозначно, потому что может существовать общественный слой, являющийся господствующим в данное время вследствие своих «материальных средств», а истинным носителем передовых культурных идей будет другой социальный слой (напр. аристократия в литературе XVIII в., когда буржуазия уже владела «материальными средствами»). «Отсюда с полной ясностью следует: не существует вовсе «духа времени», но есть, так сказать, целый ряд «духов времени». Во все периоды можно выделить резко различные группы с различными жизненными и общественными идеалами. С которой из них господствующее в данный момент искусство связано теснее всего — это зависит от разнообразных обстоя-

[3] Л. Шюккинг — Социология литературного вкуса, пер. с нем. Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского, под редакцией и предисловием проф. В. М. Жирмунского, Л., Academia, 1928. См. также статью Н. Берковского — Социологизм в немецкой литературной науке. «Шюккингианство» в русской марксистской критике является уже нарицательным термином для обозначения замены марксистского литературоведения профессионально-экономическим эклектизмом.

тельств, и только тот, кто живет не на земле, а в облаках, приписывает это действию чисто идеологических факторов» (стр. 24).

Дальше Шюккинг исследует «литературную почву литературы в прошлом и ее значение». Он убежден, что одной только экономической почвы для расцвета искусства еще недостаточно. Втечение целых столетий «история литературы в значительной своей части — история благотворительности отдельных князей и аристократов»; это оттого, что только князю средства позволяли содержать поэта. Правильность пословицы: «Чей хлеб я ем, того и песни пою» — в известном смысле подтверждается. Шюккинг принимает в расчет и вкусы заказчика, так напр. он об'ясняет возникновение буржуазной драмы заказом театра

> ...когда буржуазная публика заменила феодального покровителя и место знатного покровителя занимает теперь издатель...» (стр. 34). Только постепенно, по мере отхода аристократии в политической и общественной жизни на второй план и роста экономической и социальной роли буржуазии, образуется новая публика, и отношения начинают приближаться к нынешним... Итак, если попытаться найти единый основной принцип развития художественного вкуса, рассматриваемого с социологической точки зрения, то надо во всяком случае признать, что социальная почва не должна быть оставлена без внимания. Конечно, не почва создает искусство. Ил не порождает угря, как полагал Аристотель, однако уже ближе к истине утверждение: где нет ила, нет и угря (стр. 35).

«Социальную почву» Шюккинг рассматривает весьма вульгарно. Вообще, «изменения социального положения художника», затем взаимоотношения «литературы и публики» и т. п. проблемы занимают нашего автора очень сильно: и при возникновении новых литературных направлений, и при образовании «эстетических общин»,— везде художественный вкус играет у Шюккинга выдающуюся роль. «Прежде всего уже в самом процессе творчества господствующий в обществе вкус играет не последнюю роль.

Конечно, этим не сказано, что искусство является товаром, который сознательно приспособляется производителем к требованиям публики», но зато путь, который проделывает художественное произведение, уже больше похож на товар. «В некоторых отношениях, хотя конечно не во всех, можно установить аналогию с организацией промышленности, где производитель и потребитель давно уже отделены друг от друга множеством промежуточных инстанций, оказывающих чрезвычайное влияние на обе стороны» (стр. 80). Такими «промежуточными

инстанциями» в литературе являются реклама, литературная критика и и т. п., одним словом — мы имеем здесь, по Шюккингу, такую же «конкуренцию материальных сил, как в мире хозяйства».

Указав на основные принципы социологических течений в немецком литературоведении, как они представлены в концепциях Меркера, Шюккинга и др.[4], нам необходимо, прежде чем перейти к их марксистскому анализу, найти те корни в современной немецкой социологии, которые питали эти течения. Ибо ясно, что изложенные системы не представляют чего-нибудь самостоятельного, оригинального, а являются лишь перенесением определенных научных построений и тенденций германских буржуазных социологов на литературу. Кроме того, обе литературоведческие концепции — и Меркера и Шюккинга — не являются применением какой-нибудь одной целостной, единой социологической системы, а лишь эклектическим использованием нескольких систем. Тут есть и Лампрехт и Макс Вебер, Трельш и Зомбарт, Бюхер и др. Но больше всех повлияли на них, по признанию самих же немецких литературоведов, Вебер и Трельш.

Социология — буржуазная наука[5]; она возникла на Западе именно как воинствующая наука в борьбе буржуазии против марксизма и пролетариата. В этой борьбе буржуазные социологи, убедившиеся в обреченности и беспомощности метафизики и открытого идеализма, восприняли — как это часто бывает в борьбе — некоторые методологические приемы своего противника, вульгаризируя их, присоединяя их не органически, а механически к своим позитивистическим, идеалистическим по существу концепциям. Так и немецкие социологи восприняли ряд положений марксизма в разных степенях и в различной трактовке. Конечно, социологическая система Макса Вебера не то же самое, что система Трельша, Теннисэса, Зомбарта и др. Но корни всех этих систем одни и те же, и все они отвергают материализм, историзм, диалектику и классовую борьбу. Мы коснемся здесь вкратце, для лучшего понимания корней концепции Меркера и Шюккинга, лишь социологических систем Вебера и Трельша, и то только двух, но коренных вопросов, вокруг которых и вращаются все ошибочные положения обоих литературоведов, а именно вопроса о взаимоотношениях базиса и

[4] К буржуазно-социалогическим интерпретациям литературных явлений в немецком литературоведении относятся даже Дибелиус, Фер и др.

[5] Марксистам-литературоведам давно пора отказаться от названия «социологический метод» и перейти на более точное название — «марксистский метод».

надстройки и связанного с ним вопроса о построении концепции исторического развития.

По существу Макс Вебер, несмотря на разные попытки сделать из него чуть ли не марксиста, не только далек от диалектического метода в своих работах, но он для об'яснения исторического процесса вообще не вскрывает действительных корней исторических явлений: производственные силы и их значение у него стоят рядом с надстроечными явлениями — правом, религией и т. д. Вебер таким образом плюралист, т. е. он не выводит явлений многосторонней общественной жизни закономерно в конечном счете из экономического базиса. Вебер сам называет свой метод «эмпирической социологией», т. е. он не строит синтетической схемы исторического процесса, обнимающей все времена и народы, не дает общих, законченных законов развития человеческого общества, а всегда применяет историко-сравнительный типологический метод; он избегает при построении своих хозяйственно-исторических концепций обобщений, а пользуется для установления законов, типов общественно-хозяйственных формаций и ступеней их развития «идеальными», «типологическими» явлениями и аналогиями.

Как мы видим, у Вебера проблема базиса и надстройки, занимающая его так сильно, не решена: базис у него совсем не выделен из «общего мира явлений», экономика, право, религия,— все имеет равноценное значение. В этом же духе вопрос о базисе и надстройке поставлен и у Трельша. В своих «Социальных учениях» этот социолог также говорит о значении «экономико-социально-политического массива» для духовных и культурных явлений; свой вывод он формулирует так:

> При этом я убежден в определяющем его (т. е. массива) значении. Конечно, он со своей стороны также обусловлен психологической и умственной установкой. Но более тонкое внутреннее содержание культуры вовсе не есть проявление и осознание его, но — особое творение, в то же время сильно, до самой глубины обусловленное этим массивом[6].

Тот же плюрализм, как и у Вебера, и опять базис не выделен из «экономико-социально-политического массива».

В чем смысл социологии Вебера? Выражением идеологии каких общественных групп является его концепция? — Все его исторические

[6] Ernst Troelsch—Der Historismus und seine Probleme, Tübingen, Mohr, 1922, S. 65—66.

построения свободны от чего-либо иррационального: эта строго рационалистическая социологическая система служит определенной цели, которая сводится, по определению Трельша, к тому, «чтобы определить наше положение и наши будущие возможности, поле действия и род средств, при помощи которых мы можем построить будущее; и совершенно обособленно и независимо от этого выбор ценности — из невозможного политеизма ценностей,— которой мы обязаны всей нашей силой и для осуществления которой мы без остатка отдаем все наши познания... это для Вебера национальная сила и величие. В распоряжение этой единственной, недоказуемой, создающейся лишь решением и волей ценности поступает самое обширное и самое тщательное познание истории, доказывающее решающее для настоящего значение демократизирующей, механизирующей техники государственной эксплоатации цезаристическими вождями.

Такова его философия истории и связь ее с этикой и учением о ценностях. Все остальное, именно все иррациональное и всякая стоящая за этим идея развития, отвергается резко и определенно-ясно. Поэтому его прозвали современным Макиавели»[7]. Философски Вебер, будучи вначале под влиянием марксизма, впоследствии резко отвергал диалектический материализм и опирался на неокантианство.

Из неразрешенной Вебером и Трельшем проблемы базиса и надстройки вытекает их неуверенность в периодизации исторического процесса. Отвергая, с одной стороны, диалектику и, с другой стороны, устраняя из позитивизма его телеологически-эволюционные моменты, Вебер должен был притти к чрезвычайно высокой оценке роли личности в истории — именно руководящей роли предпринимателя — хозяйственного вождя, выделяющегося из технической интеллигенции на определенной ступени развития хозяйства. И поэтому, по Веберу, «чисто социологический и прежде всего экономический элемент каждый раз обусловливается основными культурно-умственными положениями, иногда даже подавляется ими, впоследствии же снова подчиняет их себе.

Точно так же он зависит от цивилизаторско-технически-интеллектуального состояния и наоборот влияет на темп и развитие этого состояния». Что к этому пониманию исторического процесса Вебером может прибавить Трельш? Он пишет: «В действительности настоящая об'ективная

[7] Ernst Troelsch — Der Historismus und seine Probleme, Tübingen, Mohr, 1922, S. 161.

периодизация возможна только при помощи социально-экономического, политического и правового базисов. Только они дают определенные, все выносящие и согласующиеся и кроме того внешне легко узнаваемые отношения структуры. Но основание лежит еще глубже: все духовные, цивилизаторские и культурные элементы покоятся на этом базисе, связаны с ним еще своей первобытной структурой и при всяком выявлении самостоятельного существования прочно охватываются им и определяются до самого центра души. Как далеко, и в каком размере, и с какими результатом — это каждый раз особый вопрос. Ведь элементарные жизненные потребности питания, половой жизни, ассоциации внешнего житейского мира и порядка,— как в крупном, так и в мелком масштабе, как у отдельных лиц, так и в исторических группировках,— определяют строй жизни и этим самым, так сказать, и кадры духовной жизни. Часто кажется вполне вероятным, что существует общий корень, из которого происходят основные формы обоих вместе с их взаимным определением, но в эти глубины человеческий глаз проникает лишь с трудом»[8]. Тут не только плюралистическое об'яснение исторического процесса, но и в конечном итоге даже отрицание возможности познания «первоисточника», движущего фактора этого процесса.

Что же касается политических взглядов Вебера, то и их нетрудно определить по приведенным выше цитатам: наиболее справедливым и нравственным государственным строем он считает демократию, обеспечивающую политическое величие и будущее Германии, причем больше всего его занимает именно проблема вождя, как логический вывод из всей его социологической системы; ибо в сущности все его хозяйственно-исторические исследования преследуют не столько установление законов экономического и общественного развития капитализма, как проблему вождя, т. е. каким образом на определенной ступени развития хозяйства выделяются руководители этого хозяйства. Понимание Вебером демократии явствует хотя бы из его разговора с Людендорфом после германской революции 1918 г., приведенного в книге Марианны Вебер: социолог-демократ уверял генерала, что он тоже против демократии, как ее обычно понимают; он ее толкует в следующем смысле: народ выбирает себе вождей, которые потом, не спрашивая больше пославших их, ведут страну сильной рукой к «национальному могуществу». Вебер был идеологом той части предприимчивой германской бур-

[8] Там же, стр. 756.

жуазии и ее научно-технической интеллигенции, которая является носительницей нового, послевоенного германского империализма, той самой части, которая до войны была за «демократию», потому что она (т. е. ее передовые идеологи) сознавала, что нелепый полуюнкерский вильгельмовский империализм губит здоровый, рационалистический, молодой империализм. Идеологию Вебера с ее теорией сильного вождя с «цезаристской натурой» в известном смысле можно считать предшественницей современного германского фашизма, поскольку фашизм является специфической организационно-политической формой господства, запутавшегося в послевоенных противоречиях капитализма, т. е. видоизмененной формой господства новой империалистической буржуазии.

Таковы в кратких чертах философские и политические корни той науки социологии, из которой по указаниям самих же литературоведов так много заимствовано для построения социологической науки о литературе. Но было бы ошибкой механически и притом полностью переносить систему Вебера или менее воинствующего Трельша на литературоведческие концепции Меркера и Шюккинга: обе они ни в одной из существующих буржуазных социологических теорий до конца не выдержаны, а эклектичны. Но поскольку каждый литературоведческий метод всегда так или иначе является лишь составной частью определенной философской системы, определенной научной методологии в классовом понимании, так и концепции Меркера и Шюккинга в этом отношении опираются на современную буржуазную социологию.

Для Меркера и Шюккинга так же, как в системах Вебера и Трельша, основной задачей, составляющей вообще пробный камень при разграничении идеалистической, буржуазной социологии от марксизма, является идеалистическое разрешение проблемы взаимоотношения базиса и надстройки и понимания исторического процесса. Прежде всего Меркер и Шюккинг также плюралисты: они не выделяют экономического базиса как движущего фактора общественного процесса из правовых, религиозных и др. надстроечных явлений; для Меркера «первичный» фактор есть «всеобщее историческое», das allgemein Zeitgeschichtliche, куда входят наравне с экономикой и право, философия, религия и т. д., эпохи, создающие господствующее мировоззрение и общекультурный комплекс. И этот «первичный» комплекс порождает и определяет более высокие проявления искусства — «вторичного, обусловленного» порядка. Он в сущности не идет дальше исследования «духовной и общекультурной структуры» эпохи и ее господствующего мировоззрения, как

«жизнедарующего солнца». Ему кажется, что своим «социально-реальным» фактором он создал себе твердый базис, отправную точку построения своего литературоведческого метода; на самом же деле он вращается в порочном кругу, где одно производное явление должно определять второе, второе — третье и т. д. Весь этот «общекультурный комплекс» и господствующее мировоззрение эпохи как «жизнедарующее центральное солнце» сами представляют собою лишь надстроечные явления над базисом, для которого Меркер так же, как и Вебер и Трельш, не дошел как идеалист.

С внешней стороны, казалось бы, ближе к марксистскому пониманию базиса и надстройки в литературе подошел Шюккинг; если мы в словаре Меркера напрасно ищем понятие класса, классовой борьбы и т. п., то Шюккинг все же говорит о социальных группах вместо класса и о социальной почве — вместо базиса и т. д. Для него ясно, что в каждую данную эпоху не существует единого культурного комплекса: он всегда диференцирован по социальной структуре общества; что нет одного, а есть несколько «духов времени»; что господствующее искусство связано именно с мировоззрением господствующей социальной группы и что только тот, кто живет не на земле, а в облаках, приписывает эти изменения в искусстве, его диференциацию и т. д. действию «чисто идеологических факторов». Однако тем не менее марксистское понимание роли базиса и надстройки в литературе и для Шюккинга остается книгой за семью печатями. «Конечно,— пишет он,— не почва создает искусства. Ил не порождает угря... однако уже ближе к истине утверждение: где нет ила, нет и угря». Этот «ил» на философском языке Трельша — «первичная структура», и в словах Шюккинга видно то же убеждение невозможности ее познания, как в вышеприведенной цитате Трельша о глубинах, куда очень трудно проникнуть человеческому глазу. «Идеологические» явления, по Шюккингу, определяются, правда, социальными и «экономическими» факторами, но экономику он понимает, как мы увидим ниже, лишь «денежно-материально».

Как Меркер и Шюккинг в понимании базиса и надстройки опираются в основном на социологию Вебера и Трельша, так и их концепции эволюции литературы зависят от систем исторического развития обоих социологов. Концепция Меркера, как и социология Вебера, глубоко антидиалектична: если Вебер не строит обобщений законов исторического развития, а использует как узловые пункты процесса развития «идеальные» пункты, считая все остальное «промежуточными» ступенями, так и

Меркер конструирует из аналогий, свойственных различным областям искусства эпохи, особенно на основании формальных, повторяющихся стилевых явлений, стиль эпохи. Правда, он поднимает вопрос о необходимости историко-генетической интерпретации формы, но не решает его. Правда, он не рассматривает стиль эпохи как нечто застывшее, а как возникающее, развивающееся и отмирающее явление, но эти процессы им мыслятся лишь замкнуто в пределах этого единичного идеального явления (стиля эпохи). В каждой эпохе есть «основное стилистическое направление» «...которое следует рассматривать как типичную характерную форму данной эпохи». Все остальные литературно-стилевые явления — промежуточные, параллельные или побочно-перекрестные, исполняющие в литературе функции «промежуточных ступеней» Вебера в истории хозяйства, а движущим фактором всего процесса литературного развития является, по Меркеру, «социально-психическая связь структур... и тесная зависимость поэтического стиля эпохи от всего необычайно запутанного комплекса идей, воззрений и форм..., который опять-таки является выражением определенного общего тона культуры, лежащего в основе всех совершающихся с течением времени изменений». Меркер таким образом только констатирует, что литература есть одна из частей культурного комплекса, и что ее законы развития суть законы «общего направления культуры», а о них ему известно лишь, что они очень... «запутаны».

Для Шюккинга развитие литературы есть развитие художественного вкуса, а развитие последнего — в этом у него нет никаких сомнений — есть смена социальных групп. И «если попытаться найти единый основной принцип развития художественного вкуса, рассматриваемого с социологической точки зрения, то надо во всяком случае признать, что социальная почва не должна быть оставлена без внимания». Но каким образом социально-общественное развитие влияет на изменение художественного вкуса? И тут у Шюккинга опять выявляется вульгарная «денежно-материальная» трактовка экономического базиса: «История литературы,— заявляет он,— в значительной своей части есть история благотворительности отдельных князей и аристократов». Почему? — Потому что только князю и аристократу материальные средства позволяли содержать поэта. Огромное значение в развитии литературы приписывается социальному заказу, исходящему от покровителя, буржуазного издателя, театра и т. д. Дальше художественный вкус социальных групп воздействует на литературу через все-

возможные передаточные инстанции, как-то: реклама, театр, критика и т. п. Затем всякие изменения в социально-экономическом положении художника, в взаимоотношениях между писателем и публикой влияют на эволюцию художественного вкуса. Только при подобной вульгарной трактовке взаимоотношений социально-экономической и художественно-стилевых формаций и деляческом понимании социального заказа можно притти к упрощенному об'яснению, напр. немецкого классицизма, обязанного, между прочим, по Шюккингу, своему расцвету в немаловажной степени тем, что Наполеон, несмотря на разорение Германии, материально обеспечил немецкого школьного учителя, создав таким образом рынок для литературы.

Основным движущим фактором в изменении художественного вкуса, а стало быть и литературы, Шюккинг считает социальную группу. И «резче всего выступают группы, сложившиеся в результате социального расслоения. Разная социальная атмосфера порождает разные общественные идеалы». Но мировоззрение какой именно социальной группы будет решающим в определении господствующего художественного вкуса эпохи? — Мировоззрение группы, признаваемой передовым культурным слоем. Но нередко бывает так, что какая-нибудь социальная группа по своему мировоззрению является передовым культурным слоем, а носителем господствующего литературного вкуса будет все же другая группа. «Возьмем например,— пишет Шюккинг,— нынешнее положение дел в Германии. Кому принадлежит ныне передовая роль? Рабочий класс безусловно имеет много оснований претендовать на нее. Он является истинным носителем многих передовых идей, подлинных культурных целей, частично возникших в среде буржуазии, но более или менее ею оставленных, как напр. идеологии пацифизма, или борьбы против механизации физического труда. В этих областях рабочий класс, пользуясь выражением Ибсена,— «в союзе с будущим». Однако даже лучший друг рабочих поколеблется, по крайней мере в настоящее время, по-просту утверждать, что прогресс науки и искусства в такой же мере, как процесс общественной жизни, зависит преимущественно от этого слоя, поскольку в широкой массе представителей физического труда в силу сложившихся условий все еще царит отсутствие интереса к собственно идейным проблемам, которое исчезает только постепенно, вместе с улучшением их экономического положения» [9].

[9] Л. Шюккинг, l. c., стр. 23—24.

Такое понимание носителей развития литературного процесса с головой выдает буржуазный характер социологической концепции Шюккинга. Для нашего «друга рабочих» как для буржуазного идеолога непостижимо конечно, что «пацифизм», так усердно насаждаемый буржуазно-демократической и мелкобуржуазной интеллигенцией и социал-демократией в умах рабочих, ни в какой степени не является «передовым» для рабочего класса мировоззрением; наоборот, на данном этапе развития оно весьма реакционно и классово им чуждо. Для Шюккинга конечно непостижимо, что никакие «пацифистские» или «антимеханистические» мелкобуржуазные ламентации против победоносного шествия техники не помогут победе мировоззрения рабочего класса в литературе эпохи, а что эту историческую роль пролетариат возьмет на себя лишь завоевав политическую власть и овладев средствами производства. Шюккинг видит возможность дальнейшего литературного развития, собственно говоря, лишь в обуржуазивании рабочего класса и для достижения этой цели он и здесь выдвигает свой рычаг исторического процесса, проходящий красной нитью через всю его книгу,— профессиональные «улучшение экономического положения» социальной группы, в данном случае пролетариата (внутри капиталистического строя).

Процесс развития художественного вкуса в концепции Шюккинга не имеет с в о и х, отличных от развития (диференциации) социальных групп, законов. И вот духовно-историческая школа, отводя роли художественного вкуса то место в эволюции литературы, которое он занимает в системе Меркера, «дополнила» теорию Шюккинга законами «диалектики». Так, Б. Марквардт в своей статье в энциклопедии устанавливает следующие законы этого развития: 1) литературный вкус охотно перекидывается от полюса к противоположному полюсу; 2) несмотря на кажущуюся суровую реакцию, литературный вкус не превращается внезапно в свою противоположность: всегда имеем место временное перекрещивание линий вкуса; несмотря на все противоречия, существуют такие многочисленные внутренние связи. Старая спадающая главная волна какого-либо литературного вкуса уже влечет за собою нижнее течение, которое затем возносится на гребень новой вздымающейся волны; 3) новое направление вкуса ищет и часто находит свои точки соприкосновения с прошлым не только в предыдущем, но в значительно более ранних периодах вкуса; 4) а именно, несмотря на то, что вновь всплывающие течения вкуса выступают всегда с притязаниями, что они требуют чего-то, еще никогда не требовавшегося, предлагают

что-то, еще никогда не вкушавшееся, все же в скорости они испытывают потребность в некоторого рода традиции вследствие этого выискивают исторические прототипы, которые одновременно могли бы служить верным поручительством для привлечения и укрепления еще колеблющегося доверия к молодому направлению. За этими «законами» нетрудно увидеть абстрактно-идеалистическую триаду диалектики современной неогегельянской философии, опоры духовно-исторической школы. Мы не знаем, принимает ли сегодня проф. Шюккинг эти законы «диалектики» в развитии художественного вкуса или нет. Но это и не так существенно: Марквардту, как и Шюккингу, так же неизвестен базис, действительный движущий фактор эволюции художественного вкуса и вообще искусства.

Таким образом, обе социологические литературоведческие концепции — как Меркера, так и Шюккинга — являются буржуазными и с марксизмом, за исключением некоторых внешнетерминологических сторон, ничего общего не имеют. Оба они отрицают марксистское понимание базиса и надстройки и по существу вращаются в порочном кругу взаимодействий и «взаимопросвещения» надстроечных явлений, причем концепция Меркера, хотя она также глубоко эклектична, теснее всего связана с социологическими системами Вебера и Трельша. В концепции же Шюккинга в большей степени представлена идеология интеллигенции, находящейся на службе у буржуазии; в некоторых вопросах она примыкает к идеологии наших правых лефовцев.

Мы уже вначале указали, что за последние годы социально-литературное направление, возглавляемое Меркером, стремится к известному компромиссу с духовно-исторической школой направления Унгера. Это получило свое выражение в ряде статей литературной энциклопедии и исследованиях. От этого в позитивистические, антидиалектические построения немецкого социологизма типа Вебера и их разработку в литературоведении переносятся некоторые идеалистически-диалектические формулы, но буржуазная сущность этих литературоведческих теорий от этого конечно не меняется. Этой ограниченной буржуазной сущностью проникнуты и многие статьи энциклопедии; так напр. ряд историко-методологических терминов (песня труда, журнализм и др.) получили освещение не только в чисто буржуазной интерпретации,— что в буржуазной энциклопедии вполне понятно,— но и исторически только в рамках буржуазного развития. Этой ограниченной буржуазной сущностью по всей вероятности и об'ясняются некоторые курьезы, когда напр. у авторов

некоторых статей от страха перед революцией глаза становятся настолько зоркими, что они усматривают во всякой левой мещанской оппозиции «большевизм» в литературе. Характерна в этом отношении в энциклопедии статья Г. Геккеля — «Политическая поэзия». Безобидные мелкобуржуазно-интеллигентские вопли и протесты экспрессионистов автор социологически и политически расценивает таким образом: «Новое искусство экспрессионизма отдает себя почти без исключения в распоряжение революционной мысли; их цели — окончательное устранение войны и полное преобразование социальных отношений. Достигнутое при помощи ноябрьского переворота не удовлетворяет многие радикальные умы, стремящиеся к диктатуре пролетариата по образцу русского большевизма. Многочисленные периодические издания и сборники служат целям этого «активизма». Кто же, интересно знать, эти писатели, которые в немецкой литературе так упорно стремятся к «диктатуре пролетариата»? Они тут же перечисляются: Штернгейм, Кайзер, Унру, Толлер, Г. Манн, Л. Франк, Верфель, Газенклевер. И ведь эта статья напечатана не в 1919 г., когда перепуганная буржуазия считала каждого «активиста» спартаковцем в литературе, а в 1928,— в период «консолидации» капитализма, и в энциклопедии под редакцией Меркера...

М. Добрынин

АКАДЕМИК П. Н. САКУЛИН КАК ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

В истории науки о литературе академик П. Н. Сакулин по праву может занимать место теоретика и практика социологической школы. Около четырех десятков лет П. Н. Сакулин упорно шаг за шагом шел к осуществлению определенных принципов, камень за камнем складывал свою систему. Он весь был в постоянных исканиях, в напряженном стремлении вперед. И, может. быть, самой характерной чертой его как ученого была как бы заключенная в нем и неразрешенная возможность научного творчества. Отсюда и характер его исканий, и широта охвата научных проблем и материала, и как бы некоторая «разбросанность», отсюда же наконец и то отношение, которое вызывают его работы. Именно в них особенно ярко чувствуется эта основная черта, именно в них наглядно выступает неразрешенная возможность научного творчества.

I

Изучая работы П. Н. Сакулина, видишь, насколько широк был его охват и какие нераскрытые возможности таил он в себе. Об этом можно судить как по выполненным, так и по задуманным им работам. Останавливая свое внимание на отдельных конкретно-исторических работах, подвергая обследованию отдельные вопросы истории литературы, П. Н. Сакулин стремился обобщить их и замкнуть в цельную концепцию истории русской литературы. Первыми набросками такой монументальной истории русской литературы и являются его очерки отдельных периодов, напечатанные еще в известном V томнике «Русской литературы», под ред. Овсянико-Куликовского и в «Истории России» Граната. Уже здесь П. Н. Сакулин подвергает обработке такие темы, как: Литературные течения эпохи Александра I (т. III, ч. 1), 2) В. А. Жуковский (т. I, ч. 1), 3) Н. Г. Помяловский (т. III, ч. 3), 4) А. Н. Плещеев (т. III, ч. 3), 5) Русская литература до Пушкина («История России» Граната, т. II), 6) Русская литература первой четверти XIX в. («История России» Граната,

т. II. Затем издается, правда на правах рукописи, «Истории новой русской литературы.— Эпоха классицизма». И уже здесь выступают все те принципы построения истории литературы, которые П. Н. Сакулин сформулировал в своих теоретических работах и применил в сводном курсе истории литературы. Подлинный интерес вызывает «Русская литература» (ч. I и II), на ней необходимо остановиться подробнее. Прежде всего этот труд очевидно должен был обобщить и подытожить все разрозненные работы и дать широкий социолого-синтетический обзор литературных стилей. Этот обзор должен был охватить всю русскую литературу и применить на конкретном материале методологические принципы социологического метода. По замыслу автора, труд представляет собой синтетический обзор исторического развития русской литературы с древнейших времен до наших дней. Русская литература рассматривается автором во всех ее слоях. Ход развития литературных стилей показан в его социологической зависимости от культурных стилей исторических эпох. Литературные течения и явления характеризуются как со стороны формы, так и со стороны поэтического содержания. В соответствии с эпохами культурного развития вся работа распадается на четыре части: часть I.— Первая культурная эпоха. Литературная старина (под знаком византийской культуры); часть II.— Вторая культурная эпоха. Новая литература (с половины XVII в. до 40-х годов XIX в.); часть III.— Третья культурная эпоха. Новая литература (на грани двух культур от 40-х до 90-х годов XIX в.); часть IV.— Третья культурная эпоха. Новейшая литература. Период революционный — от 90-х годов XIX в. до наших дней.

Такого широкого охвата мы не имеем ни у одного историка русской литературы. Тут П. Н. Сакулин стремился к выполнению на русском материале той задачи, которая была поставлена и разрешена акад. В. М. Фриче по отношению к истории западных литератур, в его известном «Очерке».

Сакулин успел выпустить только две первых части, позволяющих вполне судить о том, насколько интересна его работа. П. Н. Сакулин был специалистом, главным образом в области новой русской литературы, но это не помешало ему проделать исключительной важности работу в области литературы эпохи феодализма и торгового капитала (древняя русская литература). Давно назревшая задача новой классификации, отбора и переоценки литературных фактов на основе последних достижений науки, подтягивание изучения древней русской литературы к

современным принципам литературоведения, перетряхивание всего материала — все это нашло место в работе П. Н. Сакулина. Само собой разумеется, что все эти проблемы разрешены П. Н. Сакулиным в полном согласии с его теоретическими высказываниями. Марксисту легко вскрыть те принципы, на основе которых П. Н. Сакулин производит деление на периоды. Это — принцип культурно-исторический, принцип культурных эпох. В основу деления таким образом кладется не основное в истории человеческого общества, а производное, вторичное. Принцип общественно-экономических формаций был чужд П. Н. Сакулину; он думал, что этот принцип действует только в истории экономической и политической, а для истории литературы должен быть взят иной. «Раз история литературная и история социальная являются «двумя сторонами одного и того же процесса», то, очевидно, в нашем случае нужно анализировать и делить по периодам именно ту сторону, которая называется литературной, а не социальной: у истории литературной своя природа и свои формы проявления... Деление на периоды в истории литературы должно исходить не из гетерогенного, а из автономного автогенного принципа» (П. Н. Сакулин — «Синтетическое построение истории литературы», стр. 63—65). Если вдуматься в эти слова, то станет ясно, что тут выступает учение об имманентном и эволюционном развитии. Именно опираясь на имманентность развития, П. Н. Сакулин утверждает автогенный принцип. Из поля зрения исследователя ускользает принцип монистичности, принцип единства поэтического и жизненного стиля, и заменяется дуализмом.

На философском языке это значит принцип единства суб"екта и об'екта, бытия и мышления заменить принципом психофизического параллелизма. Однако сам П. Н. Сакулин, выдвинув автогенный принцип, признает чрезвычайную трудность в его применении на данном этапе и пользуется принципом культурно-историческим.

Синтетически охватывая диалектику русской литературы в ее причинной зависимости от культурных стилей исторических эпох, я представляю себе общую картину в таком виде: в каждую эпоху, начиная с первых веков нашей истории, население распадается на классы с их неизбежной диференциацией. Каждый класс живет своей культурной жизнью. Класс-гегемон выражает высшую для данной эпохи степень культуры. Между классами существует не только борьба, но и постоянное взаимодействие, и в конце концов жизнь отливается в единый культурный процесс. В результате каждая эпоха народной жизни имеет

свой стиль культуры, свое культурное лицо. Художественная литература творчески отражает как культурную жизнь отдельных классов, так и культурный стиль эпохи в целом. Наиболее полное и адэкватное отражение культурного стиля всей эпохи возможно в синтетическом творчестве великих писателей [1].

П. Н. Сакулину кажется, что весь процесс русской литературы может быть уложен в три культурных эпохи. Чем же определяется деление на эти культурные эпохи, почему одна сменяет другую, почему первая идет под знаком византийской культуры, вторая — европеизма, а третья еще даже недостаточно обозначилась («на грани двух культур») — этого П. Н. Сакулин не об'ясняет. Таким образом, деление на культурные эпохи и затем на периоды выступает как деление произвольное, ибо принцип этого деления — не базис, а надстройка, вторичное, а не первичное.

Далее, устанавливая культурные эпохи, Сакулин производит соответствующее им членение истории литературы (стр. 14) и этим самым нарушает свой автогенный принцип. Уже в конкретном изложении он делает попытку снова вернуться к нему, но исходный принцип периодизации остается у него культурно-историческим. Вряд ли ощущается необходимость доказывать, что построенное на этом основании членение истории русской литературы носит произвольный характер, нарушает монистичность нашего познания, опирается на формально-диалектический подход (напр. тезис — старорусская культура, антитезис — европеизм, синтез — дворянская культура) и таким образом стоит в противоречии с марксистским представлением по этому вопросу. Стоит отметить только последнюю культурную эпоху, которую П. Н. Сакулин обозначает словами: «на грани двух культур». Класс-гегемон в культурной области (не в политической еще) — мелкобуржуазная демократия, опирающаяся на крестьянство. Схема диалектики может быть выражена так: дворянская культура (уже осложненная элементами буржуазно-капиталистической культуры) — тезис, крестьянская культура (как она мыслилась идеологами народничества) — антитезис, синтез теоретически намечался ввиде демократической культуры, но реально синтетической культуры демократического типа еще нет. Высшая идеология — социализм (там же, стр. 15). Это чрезвычайно типичное для П. Н. Сакулина место, которое обнажает как принцип его деления, так и неверные, произвольные построения на его основе. Возражая марксистам и в особенности В. М. Фриче по поводу того, что они якобы принимают «гетерогенный принцип»,

[1] П. Н. Сакулин - Русская литература, ч. I, М., 1928, стр. 14.

П. Н. Сакулин на практике сам пришел к нему, но без монизма, без действительной диалектики, а следовательно без действительного исторического подхода.

Чрезвычайно существенно, что П. Н. Сакулин поставил перед собой проблему отбора и переоценки литературных фактов. Эта работа особенно любопытна в истории литературы эпохи феодализма и торгового капитала. Перетряхивая весь материал, безоговорочно привлекавшийся старыми историками литературы, возражая Ф. И. Буслаеву против исторического характера материала старой русской литературы, возражая А. Н. Пыпину по поводу невозможности построения истории древней литературы, П. Н. Сакулин вводит новый принцип отбора, оставляя в стороне большое количество материала. «Тем не менее,— пишет он,— проповеди, как и всякая ораторская речь, не принадлежат к памятникам собственно литературного творчества: они относятся к ведению риторики, а не поэтики... О поэтической литературе и ее формах мы по преимуществу и будем говорить» (там же, стр. 78). Таким образом, П. Н. Сакулин шел в верном направлении, он отбирал художественные факты для своего исследования, оставляя в стороне все остальное. Другое дело, что принцип отбора у Сакулина был недостаточно верный. Он определяется его представлением о предмете истории литературы.

> По моему убеждению,— пишет П. Н. Сакулин,— предметом истории литературы служит тот комплекс явлений, который можно обозначить термином «литературная жизнь». В состав этого понятия, разумеется, прежде всего входят литературные произведения, литературные направления и сами художники слова. Но вокруг произведений и писателей образуется особая атмосфера, особая жизнь: рядом с писателем стоят читатели, критики и теоретики. Их общим сотворчеством и создается литературная жизнь как единый процесс, достойный стать предметом синтетического изучения. В данном очерке однако я принужден большей частью ограничиться лишь основными ингредиентами литературной жизни, т. е. только самой художественной литературой [2].

В свете этого понимания становятся ясными как принцип отбора, так и то обстоятельство, почему книга П. Н. Сакулина имеет в основе верную установку. Разверни свой принцип без ограничения, Сакулин привлек бы всю «литературную жизнь» и тем самым снизил бы качество своей работы и значение книги. Можно и должно итти дальше П. Н. Сакулина в этом

[2] «Русская литература» и т. I, стр. 12.

вопросе, необходимо возражать против установленного им учения о предмете истории литературы, необходимо уточнить и развернуть принцип отбора на основе специфики литературы, но нельзя будет не считаться с тем, что сделал П. Н. Сакулин в этой области, нельзя не признать ценности его работы.

Мы взяли только два принципа, чтобы показать, с одной стороны, как конкретный материал, свою историю литературы П. Н. Сакулин строит на основе развиваемых им методологических принципов, и, с другой стороны, показать, что эти принципы и основанное на них изучение расходятся с марксизмом. Бросая взгляд на вторую часть его работы, мы подчеркнем один весьма любопытный момент — это принцип массовой продукции, нашедшей в работе Сакулина свое конкретное воплощение. Какими бы промахами в области фактического материала ни страдала работа Сакулина, нельзя обойти того факта, что именно он впервые очень настойчиво применил этот принцип и ввел в историю литературы ряд забытых имен. У него мы найдем Цыганова, Алипанова, Суханова, Слепушкина, Погодина, Павлова, Полевого, Белинского как художника, Булгарина, Греча, Вельтмана и т. д. У него мы имеем попытку построить историю литературы на материале массовой продукции, а не только на творчестве литературных генералов. Это большой и смелый шаг в историко-литературном плане. Интересная по замыслу, богатая с фактической стороны, работа П. Н. Сакулина страдает большими методологическими недостатками. Скажем больше, она построена на неверных с марксистской точки зрения основаниях. П. Н. Сакулин ставил перед собой в высшей степени своевременную задачу: «выровнять наш методологический фронт, т. е. построить всю историю русской литературы на одних и тех же методологических принципах». В своей работе он и делал попытку в одной целостной концепции охватить русскую литературу на всем протяжении ее исторического развития. Принципиально эта установка была верна, но сами методологические основания были неверны. Историко-социологический метод П. Н. Сакулина, на основе которого велось изучение, расходится с методом марксизма. Он имел свою собственную систему взглядов и очень дорожил тем, что она по некоторым пунктам совпадает с марксизмом. Таково было его суб'ективное убеждение. Об'ективно же он испытывал давление бурно развивающейся марксистской мысли и довольно упорно сопротивлялся ей. Неся с собой груз унаследованных от прошлого буржуазных навыков, тенденций и взглядов, П. Н. Сакулин ходом развития об'ективной действительности

вынужден был признавать правоту марксистов и соглашаться с ними. Правда, и тут прошлое тяготело над ним, и он, не замечая этого, придавал свое толкование и вкладывал свое содержание в те или иные формулы марксизма и таким образом об'ективно искажал их. Кроме сводной работы по истории литературы П. Н. Сакулин имел ряд монографических работ, этюдов, очерков, исследований, которые представляют для историка литературы интерес главным образом со стороны разработки им фактического материала.

II

В литературоведении П. Н. Сакулин различал два основных отдела: 1) теоретическую поэтику и ее разновидность — историческую поэтику, 2) историю литературы и литературную критику. Первый отдел разрабатывает теоретические проблемы, касающиеся процесса и форм поэтического творчества, второй занят конкретными явлениями литературы. Если расширить это толкование и придать ему необходимую ясность, то следует утверждать, что литературоведение, как и всякая другая наука, имеет свою историю и теорию. Последняя должна быть понята как методология в широком смысле, куда входит также и поэтика, которая может быть названа конкретной методологией. П. Н. Сакулин все время занимался не только историей, но и методологией (и поэтикой). Свои методологические взгляды он развивал в ряде статей и имел намерение обобщить их в большом труде под заглавием «Наука о литературе». Эта большая и ответственная задача была поставлена им перед собой. «В полной мере,— писал он,— сознаю я ответственность, решаясь опубликовать давнишние думы о теоретических проблемах нашей науки. Каковы бы ни были недостатки моих очерков, я считаю их своевременными и небесполезными, особенно для молодых ученых и учащихся». Насколько любопытна и широка его «Наука о литературе», позволяет судить ее план:

I. Введение. Наука о литературе (литературоведение)

Часть первая

II. Поэтика, ее современные задачи.
III. Проблема поэтической формы.
IV. Звук как элемент формы.

V. Поэтическое слово, его проблематика.
VI. Поэтический образ.
VII. Композиция поэтической речи.
VIII. Композиция поэтических произведений.
IX. Литературная морфология.
X. Литературные стили.

Часть вторая

XI. Процесс восприятия поэтических произведений.
XII. Литературная критика.
XIII. Историко-литературные методы и их классификация.
XIV. Социологический метод.
XV. Синтетическое построение истории литературы.

И тут нераскрытые возможности, ибо из этих пятнадцати выпусков в свет вышло три (X, XIV, XV), правда, захватывающие острейшие проблемы нашей науки. «Социологический метод в литературоведении», (изд. «Мир», 1925 г.), «Синтетическое построение истории литературы» (изд. «Мир», 1925 г.) и «Теория литературных стилей» (изд. «Мир», М., 1928 г.) — вот три книги, вызвавшие в нашей науке живой обмен мнений и дающие возможность судить о методологической системе П. Н. Сакулина. Задуманная им «Наука о литературе» захватывает очень широкий круг проблем и, будь осуществлена, она выступила бы как первая попытка дать в развернутой форме целую методологическую систему.

В работе о социологическом методе П. Н. Сакулин предложил следующую классификацию задач историко-литературы: I. Имманентный ряд. II. Каузальный ряд. III. Конструктивный ряд.

I. Методологические задачи имманентного ряда: а) статическая: художественный анализ формы и содержания; б) динамическая: 1) генетическая (творческая история произведения), 2) эволюционная (имманентное развитие творчества).

II. Методологические задачи каузального ряда: а) статическая — социологическое изучение; б) динамическая — историко-социологическое изучение.

III. Методологические задачи конструктивного ряда: а) статическая — типологические обобщения (генерализирующий метод);

б) динамическая — синтетическое построение истории литературы с номологическими обобщениями («Социологический метод», М., 1928 г., стр. 31).

Уже сама классификация методологических задач показывает, что социологический метод. П. Н. Сакулина включает в себя и другие методы. Оказывается, что «при имманентном изучении весьма существенную помощь исследователю оказывает «формальный метод».

«В каузальном ряду первенство принадлежит социологическому методу... Сначала нужно познать предмет как таковой индетерминистически, а потом исследовать его как социальный и исторический факт и наконец уже строить из фактов систему науки» (там же, стр. 31).

Таким образом, метод Сакулина можно было бы назвать методом формально-социологическим. Еще в своей статье о задачах поэтики («К вопросу о задачах поэтики», «Искусство», № 1, ГАХН, 1923 г.) П. Н. Сакулин по поводу статьи В. М. Жирмунского высказывал сожаление, что в реакции против формального метода могут погибнуть и все ценные завоевания последнего. Эти ценные завоевания формалистов и принимал Сакулин, дополняя ими свой социологический метод. Это соединение естественно колеблет «монизм» Сакулина и, несмотря на все его оговорки, придает системе дуалистический характер. Дуализм этот вызван представлением П. Н. Сакулина о двух моментах исторического развития каждого явления: каузальном и эволюционном. Эта предпосылка сказывается на всем дальнейшем построении и приводит П. Н. Сакулина к тому, что он берет литературный процесс как целое, обладающее своими законами развития, и таким образом оперирует с мыслями как с самостоятельными сущностями, т. е. работает как чистый идеолог в понимании Маркса и Энгельса. Мы видим, к чему это приводит. И хотя Сакулин заявляет, что история = эволюционность + каузальность, фактически у него получается не монизм, а дуализм. П. Н. Сакулину казалось, что можно соединить формализм с социологизмом, что разные философские системы можно об'единить в одну и получится монизм. На самом же деле получался эклектизм. Любопытно отметить тут одну черту П. Н. Сакулина как ученого старого типа. Эта черта сводится к попытке об'единить, склеить в одно все достижения научной мысли без достаточного фильтра. Отсюда множественность задач и множественность методов. П. Н. Сакулин не замечал, что его три ряда нарушают единство, что нельзя изучать явление в имманентном ряду, не изучая его как исторический и социальный факт, что построение истории литературы должно

быть основано на тех же принципах, на основе которых ведется анализ. Далее, разграничение внутри каждого ряда на статические и динамические задачи есть дальнейшее углубление неверного представления об эволюционном и каузальном развитии. Таким образом, мы можем сказать, что, исходя из ложного основания, П. Н. Сакулин дал неверную классификацию методологических задач историка литературы. Разрабатывая далее отдельные вопросы социологического метода и пытаясь таким образом его обосновать, П. Н. Сакулин выявляет свою систему взглядов на существеннейшие вопросы исторического развития литературы. Надо заметить, что принятая им предпосылка о двух формах развития сказывается на всей системе взглядов, превращая ее в эклектическую систему. Нет надобности подвергать критике всю эту систему укажем только, что синтетическое построение истории литературы является в системе П. Н. Сакулина завершающим моментом, поэтому проблемы, выдвинутые здесь, представляют особенный интерес. Проблема единого методологического фронта, проблема «литературной жизни» как об'екта истории литературы, проблема периодизации, о возможности номологических обобщений — таков основой круг вопросов синтетического построения истории литературы. Но именно здесь, особенно на вопросе о возможности номологических обобщений, вскрывается вся ложность установки П. Н. Сакулина. Его законы развития литературы, являясь аналогиям главным образом из естественных наук, показывают, что П. Н. Сакулин отрывает литературу от ее реальных творцов — классов и внутриклассовых групп. Они показывают, что П. Н. Сакулин устанавливает связь отдельных литературных фактов, минуя социальные группы. В результате получаются связанными в одно такие литературные факты, которые являются формами практики самых различных социальных групп. Отсюда у Сакулина действуют, минуя людей, такие законы, как закон исторической инерции, закон сохранения творческой энергии и т. д. Само понимание закона у П. Н. Сакулина носит метафизический характер. В книге «Теория литературных стилей» П. Н. Сакулин так и не поднялся ни до понимания стиля как основной категории науки о литературе ни до понимания истории литературы как истории борьбы и смены стилей.

Широко задуманная теория литературы включает у Сакулина не только общие проблемы методологии, но и конкретную методологию, поэтику. В этом отношении социологическая школа в лице П. Н. Сакулина представляет наиболее развитую литературоведческую концепцию как в области теории, так и в области истории. Кроме того она

подошла вплотную и к построению историографии нашей науки конечно на основе своих принципов.

III

Теоретик-методолог, разрабатывающий проблемы как общей, так и конкретной методологии, историк русской литературы в ее наиболее широком охвате от древнейших времен до наших дней, исследователь по целому ряду историко-литературных вопросов — академик П. Н. Сакулин был ученым, отражавшим идеологию мелкобуржуазной трудовой интеллигенции. Он остро реагировал на современность, и несомненно, что это было причиной столкновения его с молодежью в университете. Имея свою особую систему взглядов, он столкнулся с новыми требованиями, с новыми людьми и, не желая итти на уступки времени, не желая перестраиваться, он отошел в сторону, превратился в стороннего наблюдателя университетской жизни.

П. Н. Сакулин много сделал для организации научной работы. Старейший член Научно-исследовательского института языка и литературы в Москве, председатель Общества любителей российской словесности при I МГУ, член многочисленных научных обществ и организаций — П. Н. Сакулин был прекрасным организатором научной жизни. В последние дни перед своей смертью он был занят организацией нового научно-исследовательского института по новой русской литературе при Пушкинском доме Академии наук СССР.

Научные работы П. Н. Сакулина остались незавершенными, недоведенными до конца, и сам он выступает перед нами как ученый, который был в постоянных поисках, в напряженном стремлении вперед, полный замыслов и перспектив, которые так и оставались в качестве неразрешенной возможности научного творчества. Его работы будили мысль, вызывали острую полемику, заставляли молодых литературоведов-марксистов глубже вдумываться в проблемы нашей науки, шире и отчетливее организовывать материал с марксистской точки зрения, и в этом плане они конечно были полезны. Историки русской литературы — марксисты, еще не успевшие создать своей синтетической монументальной истории литературы, не могут пройти мимо работы академика П. Н. Сакулина, ибо огромный фактический материал, разработанный и уложенный им в целую концепцию, еще подлежит обработке, освоению и организации в марксистскую схему истории русской литературы.

ХРОНИКА

Государственная академия искусствознания (ГАИС)

Институт языка и литературы РАНИОН'а за последний год пережил большую реорганизацию, изменившую как целевую установку института, так и его руководящий состав. Прежде всего надо отметить тот факт, что произошла ликвидация РАНИОН'а. Бо́льшая часть институтов РАНИОН'а, как напр. Институт философии, истории, советского права, вошла в состав Комакадемии. Другая часть, как напр. Институт психологии, обособилась и существует самостоятельно, наконец третья часть — Институт археологии и искусствознания — вошла в состав новой ассоциации.

Институт языка и литературы частично вошел в Комакадемию, где вместе с литературным отделением ИКП и секцией литературы искусства и языка образовал самостоятельный институт в составе Комакадемии. Оставшаяся часть Института языка и литературы вошла как самостоятельный институт в новую ассоциацию — Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культур — РАНИМХИРК.

Последняя возникла на основании постановления коллегии Наркомпроса от 3 марта 1930 г. В состав этой ассоциации вошли московские научно-исследовательские учреждения — Институт языка и литературы, Институт археологии и искусствознания (из РАНИОН'а) Государственная академия художественных наук (ГАХН), Государственный институт музыкальной науки (ГИМН) и Ленинградское научно-исследовательские учреждения — Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), Государственный институт истории искусств (ГИИИ) и Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), ныне переименованный в Институт речевой культуры (ИРК).

Чем мотивировалось создание РАНИМХИРК'а? Во-первых, необходимостью создания единого методологического руководства и, во-вторых, необходимостью уничтожения параллелизма в разработке научных проблем в практической работе искусствоведческих научно-исследовательских учреждений. Однако опыт работ показал, что существование такой ассоциации нецелесообразно, и комиссия РКИ по чистке учреждений Наркомпроса, установив этот факт, предложила ассоциацию ликвидировать и создать единый институт на базе московских научно-исследовательских учреждений.

Это предложение комиссии РКИ диктовалось необходимостью устранить параллелизм, который не только не уничтожился с возникновением ассоциации, но стал еще более ясным и обнаженным. Так напр., оказалось, что ГАХН ведет научно исследовательскую работу по всем видам искусства — по литературе, музыке, изо, тео, кино — и следовательно дублирует работу институтов языка и литературы, археологии и искусствознания и музыкальной науки. Параллелизм не только нецелесообразен, но и вреден, так как распыляет и без того недостаточные марксистские искусствоведческие силы, мешает углубленной разработке вопросов искусствознания и не дает возможности с достаточной полнотой и четкостью осуществить марксистское руководство исследовательской работой. Кроме того при недостатке коммунистических и марксистских сил параллелизм вводит в практику вредное совместительство, заставляет ряд товарищей перегружаться работой, не давая им возможности сосредоточиться в одном месте, вызывает лишние материальные расходы как по содержанию аппарата подсобных учреждений, приспособлений для занятий, так и состава научных работников. Наконец, этот параллелизм мешает серьезному осуществлению задач, стоящих перед учреждениями.

На этом основании комиссия по чистке учреждений Наркомпроса внесла предложение — об'единить четыре самостоятельных института (ГАХН, ГИМН, археологии и искусствознания, литературы и языка) в один, который будет иметь следующие секции: 1) литературы, 2) языка 3) музыкальную, 4) изобразительных искусств, 5) археологическую, 6) театральную, 7) кинематографическую, 8) экспериментальную (лаборатории экспериментального искусствознания), а также фотокабинет. Таким образом, ассоциация становится лишней.

Благодаря этой реорганизации, во-первых, достигается концентрация искусствоведов-коммунистов и марксистов, которые смогут действительно руководить всеми основными участками работы, углублять разработку метода диалектического материализма в искусствознании, более успешно и концентрированно вести борьбу с идеалистически-мистическими и формалистскими тенденциями в искусствознании; во-вторых, будет поставлена на должную высоту подготовка действительно марксистских искусствоведческих кадров; в-третьих получится ощутимая материальная выгода благодаря уничтожению излишних расходов.

Это предложение и легло в основу постановления коллегии НК РКИ РСФСР, которая констатировала отрыв работы научно-исследовательских учреждений в области материальной, художественной и речевой культур от задач социалистического строительства. Этот важный участок идеологической работы наименее всего обеспечен марксисткими кадрами и наоборот, имеет в своих рядах идеалистов, формалистов и представителей других реакционно настроенных групп. Подбор и воспитание кадров — наиболее неблагополучный участок в работе этих учреждений, ибо некоторые из них, как ГАХН, ГИИИ, вербовали молодежь из реакционных слоев и вели ее обработку в буржуазном духе. Отсюда — замкнутость в работе этих учреждений, отрыв их от общественных организаций, неактуальность и даже вредность выпускаемой продукции. Как результат всего этого — нецелесообразная затрата крупных государст-

венных средств на содержание учреждений, которые ведут параллельную работу.

Исходя из этих соображений, коллегия РКИ и предложила:

1. На базе московских научно-исследовательских учреждений (ГАХН, Институт языка и литературы, археологии и искусствознания, ГИМН) создать единый институт с установкой на разработку вопросов литературы, изо, музыки, театра, включив сюда работу над языком и археологией.

2. Целевое назначение института должно иметь установку на научную разработку современных актуальных вопросов художественного строительства (литература, театр, музыка и т. д.) и оказание широкой помощи художественной самодеятельности рабочей и колхозной молодежи. Вопросы культурного строительства страны (введение всеобщего начального обучения, ликвидация неграмотности, перестройка быта) должны получать непосредственное отражение в работе.

3. Пересмотреть весь научный состав реорганизуемых институтов с тем, чтобы удалить всех идеалистов, формалистов и эклектиков, привлечь вместо них молодые марксистские силы и обеспечить коммунистическим руководством все разделы работы.

4. Подготовку молодых кадров поставить под особое наблюдение. Обеспечить пролетарский состав аспирантуры, для чего связаться с соответствующими вузами, рабочими художественными кружками, организовав для последних подготовительное отделение.

Как следствие такой реорганизации ассоциацию материальной, художественной и речевой культур ликвидировать и создать новое единое научно-исследовательское учреждение — Государственную академию искусствознания (ГАИС).

Основные задачи ГАИС'а сводятся к следующему: ГАИС является научно-исследовательским учреждением и ставит своей задачей: 1) синтетическое исследование и разработку методом диалектического материализма общих проблем искусствознания, археологии и языковедения; 2) исследование и разработку тем же методом проблем истории и теории отдельных искусств; 3) борьбу со всяческими лженаучными, идеалистическими, формалистическими, эклектическими, вульгарно-материалистическими и прочими течениями и взглядами в искусствознании, археологии и науке об языке; 4) научную помощь художественной практике текущего момента; 5) популяризацию и пропаганду научного марксистко-ленинского понимания искусства среди широких трудящихся масс и помощь их культурному росту в этой области; 6) подготовку выдержанных марксистско-ленинских кадров научных специалистов в области науки об искусстве, археологии и языковедении; 7) обслуживание научных запросов Наркомпроса и других руководящих органов в соответствующих областях знания; 8) научно-консультативную помощь художественным вузам и другим школам.

В целях наиболее полного осуществления стоящих перед ней задач ГАИС устанавливает самую тесную связь с производственными учреждениями по линии представленных в ней научных областей (театрами, музеями и т. д.), соответствующими общественными организациями (РАПП, ВАПП и др.), проф-

союзами, рабочими кружками и учебными заведениями, привлекая эти учреждения и организации к участию в жизни академии, обслуживая их запросы, оказывая им научную помощь и строя планы своей работы в соответствии с требованиями широкой советской, в первую очередь рабочей общественности

Структура ГАИС'а. Осуществляя очерченные выше задачи, академия образуется в составе следующих научных секторов (разрядов): 1) литературоведения, 2) пространственных искусств (скульптура, архитектура, живопись производственное искусство, 3) театроведения, 4) музыковедения, 5) киноведения, 6) фото, 7) экспериментального искусствознания, 8) археологии, 9) языкознания.

Для осуществления задач популяризации, пропаганды и подготовки кадров в составе академии образуются отделы: 1) пропаганды и популяризации и, 2) подготовки кадров.

Кроме того при академии существует библиотека, в задачу которой входит как обслуживание научных запросов научных работников и аспирантов академии, так и ведение научно-библиографической работы в тех областях знания, которые составляют предмет деятельности академии.

Руководство. Во главе ГАИС'а стоят: 1) директор, 2) заместитель директора, 3) ученый секретарь академии. В обязанности директора входят: общее руководство, организационное и идеологическое направление всей деятельности академии, представительство от ее имени в соответствующих учреждениях и организациях и т. п. Директор имеет единоличную ответственность за деятельность академии в целом. Ему принадлежит право изменения и отмены распоряжений всех руководящих лиц академии.

В обязанности заместителя директора входят: руководство административно-хозяйственной в том числе и финансовой сторонами жизни академии и замещение директора в случае его болезни, отсутствия и т. п.

Ученый секретарь об'единяет и координирует научно-исследовательскую работу академии, наблюдает за составлением и выполнением секторами (разрядами), а также отделом пропаганды и популяризации и библиотекой их производственных планов, ведает вопросами научных и популярных изданий академии и т. п.

Во главе секторов (разрядов) стоят заведующие секторами (разрядами) и ученые секретари; во главе отделов и библиотеки стоят заведующие этими последними. С согласия директора академии при заведующих секторами могут быть образованы бюро в составе не более 5 чел. (включая заведующего и ученого секретаря секторов). Обязанности заведующего и ученого секретаря сектора определяются по аналогии с обязанностями директора и ученого секретаря академии. К числу руководящих органов ГАИС'а, кроме перечисленных выше должностных лиц, принадлежат ученый совет академии и конференции.

К компетенции ученого совета академии относятся обсуждение и разрешение принципиальных вопросов организации научно-пропагандистской и педагогической работы академии; вопросы планирования этих отраслей работы, выработка планов общеакадемической работы; обсуждение планов работы секторов, отделов и библиотеки и докладов об их выполнении; рассмотрение воп-

росов об увязке работы академии с работой других исследовательских учреждений, учебных заведений, общественных организаций в сфере деятельности академии; обсуждение общего плана издательской, экспедиционной и обследовательской деятельности академии и т. д. В состав ученого совета входят: директор академии, его заместитель, ученый секретарь, заведующие секторами, отделами и библиотекой, ученые секретари секторов, представители общественных организаций, Сектора науки и Сектора искусств Наркомпроса, представители рабочей общественности, аспирантов академии и пр., всего не более 35 чел. Ученый совет собирается периодически на очередные заседания не менее 1 раза в 2 мес и на экстренные — по мере надобности. Председательствует на заседаниях ученого совета директор или ученый секретарь академии. Собрание совета считается состоявшимся при наличии его состава. Решения ученого совета вступают в силу с утверждения директора академии.

Конференция является органом об'единения всех научных работников и аспирантов академии и имеет заседания: научные и научно-организационные. Научные заседания академии собираются для обсуждения научных докладов общеакадемического характера и значения. Научно-организационные заседания заслушивают и обсуждают доклады о научной, пропагандистской и педагогической деятельности академии, информационные доклады директора, его заместителя и ученого секретаря о жизни и работе академии.

План работы конференции и календарное расписание ее заседаний составляются ученым советом и утверждаются директором или ученым секретарем академии на каждый год. Кроме того по распоряжению директора могут быть созваны и экстренные заседания конференции. На заседаниях конференции председательствует ученый секретарь академии. Кворум для заседаний конференции не устанавливается.

Состав академии. В состав академии входят: 1) действительные члены, 2) научные сотрудники I разряда, 3) научные сотрудники II разряда, 4) члены-корреспонденты, 5) аспиранты, подготовляющиеся к научной и педагогической деятельности по линии научных отраслей, охватываемых ГАИС'ом. Членами-корреспондентами могут быть лица, работающие научно в области искусствознания, археологии или языковедения, не могущие нести постоянной работы в академии, но принимающие в ней эпизодическое участие как разного рода докладами и сообщениями, так и литературной работой. Все указанные разряды работников ГАИС'а (кроме членов-корреспондентов) делятся на штатных и сверхштатных. Члены-корреспонденты не получают никакого вознаграждения кроме литературного гонорара за напечатанные в изданиях ГАИС'а работы.

Формами научной работы ГАИС'а являются: 1) пленумы секторов, 2) образуемые внутри секторов тематические и рабочие группы и бригады, 3) организуемые с разрешения дирекции академии постоянные секции, 4) конференции научных работников академии.

Безусловной обязанностью каждого научного работника ГАИС'а является ведение научно-исследовательской работы (самостоятельно или под руководством), участие в выполнении плана какой-либо тематической группы (секции) соответствующего сектора; участие в работах пленума секторов и выполнение

научных поручений и заданий по линии отдела пропаганды и популяризации.

Обязательными видами работ для аспирантов ГАИС'а являются: 1) прохождение для установленных для данного разряда аспирантов семинаров; 2) участие со второго года обучения в работах соответствующих секторов академии; 3) выполнение производственной и педагогической практики по назначению отдела подготовки кадров.

Таким образом, ГАИС является тем учреждением, которое охватывает работу всех ранее существовавших искусствоведческих научно-исследовательских учреждений.

Каков же смысл существования этого учреждения, когда существует Комакадемия? Не есть ли тут тот же самый параллелизм, который был во время существования РАНИОН'а и который привел к его реорганизации и передаче ряда институтов в Комакадемию? Настало ли такое время, когда всю работу в области искусствоведения можно передать в Комакадемию?— Очевидно, нет. Комакадемия является научной лабораторией ЦК ВКП(б), поэтому работа в ней доступна не всем. Аспирантура Комакадемии состоит исключительно из членов ВКП(б) и притом с большим партстажем. Поэтому ряду товарищей — молодым партийцам, членам ВЛКСМ, беспартийным — туда поступить нельзя. Между тем закрыть доступ к научно-исследовательской работе этому молодняку было бы нецелесообразно. С другой стороны, Комакадемия не может обеспечить подготовку кадров искусствоведов исключительно из партийного состава. Так обосновывается важнейшая задача ГАИС'а — подготовка кадров марксистских искусствоведов. Научно-исследовательская работа в Комакадемии опирается на партийный и выверенный марксистский состав научных работников. Работники, идущие к марксизму, но колеблющиеся, не могут быть сотрудниками Комакадемии. В то же время марксистское искусствознание еще не настолько развернуло свою работу, чтобы охватить все отрасли, чтобы обеспечить своими силами все участки этого важного идеологического фронта. Оно поэтому должно использовать старых работников, близких к марксизму. Эту задачу использования и перевоспитания старых работников и должен выполнить ГАИС. Таким образом, существование ГАИС'а рядом с Комакадемией вполне может быть оправдано в настоящее время.

В состав ГАИС'а, как указано, и входит научно-исследовательский институт языка и литературы, прекращая свое самостоятельное существование. Что он дает ГАИС'у и как шла его реорганизация?—Перед его ликвидацией не лишне будет бросить взгляд на историю института. Целевая установка института языка и литературы определяется нижеследующими задачами:

а) созданием научно-исследовательских кадров — подготовка в строго определенные сроки высококвалифицированных марксистских кадров научных работников для вузов и научно-исследовательских институтов;

б) разработкой наиболее актуальных проблем в области языка и литературы — постройка при непременном участии аспирантуры марксистской теории и истории русской литературы, научной истории русской критики, марксистской методологии в области языка. Институт был

организован в 1921 г. при ФОН'е I МГУ. Позднее институт вошел в систему РАНИОН'а, в марте 1930 г. — в систему РАНИМХИРК'а. В структорном отношении институт делится на литературоведческий и лингвистический разряды и имеет 4 отдела: социологии и литературы, критики-публицистики, методологии языкознания и социальной диалектологии и журналистики. Институт имеет 24 штатных работника, из которых административного состава — 3, действительных членов — 13 и научных сотрудников — 8.

Вся деятельность института разбивается на 3 периода: **первый период** (до вхождения в РАНИОН) характерен об'единением в институте старых реакционных профессоров бывш. филологического факультета I МГУ. Об'единение осуществлялось на узко академической основе. Незначительное количество марксистов и примыкающие к ним научные работники были об'единены социологической секцией, которая никакой руководящей роли не играла. **Второй период** характерен переходом руководства в руки марксистов-коммунистов, исключением из института явно враждебных элементов (проф. А. Грушко) и сохранением в институте основного кадра прежних научных сотрудников, неудовлетворительных с качественной и с методологической стороны Попытки марксистской группы расслоить и перевоспитать лучшую часть научных работников института не привели ни к каким результатам вследствие упорного сопротивления достаточно сильной для того периода группы старой профессуры. **Третий период** характерен заметным переломом в сторону марксизации института: укреплением руководящего марксистского ядра, окончательным вытеснением остатка реакционных ученых; приближением отдельных аспирантов, стоящих на формалистических позициях, к марксизму; активизацией работы аспирантуры; попытками организации коллективной работы. Наличие отдельных крупных специалистов, формалистов и идеалистов тормозило нормальное развитие института. Одновременно в институте становится господствующей оппортунистическая меньшевистская концепция проф. Переверзева, который об'единил вокруг себя и повел за собой бо́льшую часть аспирантуры и научных сотрудников.

Руководящую роль в институте проф. Переверзев играл до последнего времени. Он руководил с ссени прошлого года отделением социологии и методологии, отделением литературы и использовал свое руководство для консолидации своих единомышленников и учеников. Влияние проф. Переверзева сказалось на значительном числе научных сотрудников и аспирантов.

Незначительная группа аспирантов вела внутри института борьбу за разоблачение концепции Переверзева, однако борьба эта из стен института не выходила и ни к каким определенным результатам не привела. Основное ядро группы в конце 1929 г. было обескровлено откомандированием для работы в провинцию ряда работников-антипереверзевцев. В результате институт не принял никакого участия в литературоведческой дискуссии, организованной Комакадемией, что об'ясняется значительным количеством лиц в научном и аспирантском составе, разделяющих концепцию Переверзева.

Идеологическая борьба и расхождение среди отдельных действительных членов научных работников и аспирантов при отсутствии надлежащего руко-

водства со стороны исполнявшего должность директора института привели к тому, что коллективные работы по всем отделам института были сорваны.

Работа института не сосредоточивалась на вопросах современной литературы, на актуальных вопросах литературной науки в реконструктивный период. Неудовлетворительность руководства институтом привела к тому, что псевдомарксистская концепция Переверзева долгое время не разоблачалась и пользовалась доминирующим правом ортодоксальной концепции.

Производственный пятилетний план научно-исследовательской работы института далек от об'ективных и суб'ективных возможностей в смысле реализации его в стенах института. Производственный план составлен в атмосфере идеологического разброда, причем по линии литературного отделения он был составлен единолично ученым секретарем. В составлении плана непринимали участия ни коллегия, ни научные работники, ни аспирантура. Институт в силу сложившихся внутренних условий его жизни составил отвлеченный — взятый с потолка — пятилетний план.

Институт распадался на изолированные секции, планы научной работы замыкались в рамках каждой секции и составлялись на основе индивидуальных заявок, шедших самотеком. Контроля и точного учета выполнения планов работы не было.

Выполнение производственного плана на 1929/30 г.—неудовлетворительно. По литературоведческому разделу втечение истекшего года проводилась научно-исследовательская работа по коллективному принципу на тему «Проблематика жанра». Работа фактически выполнена лишь на 50%. Проработка тем в большинстве случаев носит печать спешки, в отдельных случаях является результатом нечеткой марксистской установки.

Исключением была только подсекция критики, журналистики и публицистики, которая вела регулярную работу. В ней были заслушаны следующие доклады:

Н. Ф. Бельчикова—1) Теория критики и истории литературы; 2) Критика и история литературы в понимании Чернышевского; 3) Методические основы критики Шелгунова.

С. М. Брейтбурга—Литературно-критический метод Скабичевского.

П. И. Бронштейна—Еврейские публицисты 60-х годов.

М. М. Клевенского—1) Михайловский как литературный критик; 2) Журнал «Слово».

Н. П. Козьмина—Кризис реалистического мировозрения в 70-х годах.

П. И. Лебедева-Полянского—1) Эстетические взгляды Добролюбова; 2) Философско-политические взгляды Добролюбова.

П. С. Федосеева—1) Эстетические взгляды Лаврова; 2) Критика и история литературы в понимании Белинского.

Ю. И. Флиг—Позитивизм Писарева.

А. Я. Цинговатова—Эстетические взгляды Михайловского.

Производственный план подсекции выполнен полностью. Эта подсекция оказалась самой работоспособной. Руководимая втечение 8 лет П. И. Лебе-

девым-Полянским, подсекция критики, журналистики и публистики оказалась наиболее жизненной. В период всех реорганизаций она продолжала свою работу и вошла в ГАИС как ячейка со своим рабочим планом и твердым составом работников, не прекращавшим свою работу ни на один месяц. Результатом работ этой подкомиссии в области публицистики является сборник работ ее участников, изданный под названием «Русская журналистика 60-х годов», и подготовляемый сборник «Русская журналистика 70—80-х годов». Многие работы публикуются в коллективном издании «Очерки по истории русской критики», выходящие под ред. А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского (т. I, Гиз, 1928; т. II, Гиз, 1931).

По разряду языкознания работа прошла неудовлетворительно.

По отделу методологии языкознания работа протекала ненормально ввиду фактического отсутствия руководства со стороны заведующего отделом.

По отделу социальной диалектологии разрабатывалась тема «О говорах крестьян и о влиянии языка города на язык деревни». В результате годовой работы получился скудный итог. Комиссия прикладной лингвистики и языковой политики почти совершенно никакой работы не вела, несмотря на то, что ей была поручена ответственная работа по организации русского правописания и уточнения некоторых грамматических явлений в области учебно-школьной работы.

В разделе языка необходимо отметить отсутствие влияния яфетической теории акад. Марра. К марксистской методологии языкознания раздел вплотную не подошел, не освободившись еще от влияния формалистских принципов в науке об языке.

Издательская деятельность института неудовлетворительна. За все время своего существования институт не издал ни одного учебника, ни одного руководства, ни одной популярной книжки по языку и литературе. Издававшийся институтом журнал «Литература и марксизм» носил скорее характер альманаха, чем журнала: в нем помещались статьи на различные темы, получаемые обычно самотеком. Редакция не имела годового плана. В последнее время журнал явился трибуной для проф. Переверзева и его учеников. В журнале печатались формалисты и социологические эклектики (Медведев, Григорьев, Сакулин), несмотря на протесты отдельных членов редакции.

У института отсутствовала связь с общественными и литературными организациями. Общественной работе в институте не уделялось необходимого внимания. В конце прошлого года был заключен договор на соц алистическое соревнование с Ленинградским институтом литературы и Институтом красной профессуры. Однако фактически договор не осуществлялся, оставаясь лишь на бумаге. Замкнутость института достигла предела, он совершенно не использовал выгоды своего совместного нахождения с другими научно-исследовательскими институтами (психологии, истории, экономики, философии, искусствознания), не говоря уже о связи с научно-исследовательскими учреждениями братских республик.

В институте в 1929/30 г. было 26 аспирантов. На I курсе — 12 чел., из них 8 членов ВКП(б), 2 члена ВЛКСМ, и 2 бесспартийных; на II курсе — 8 чел., из

них 3 члена ВКП(б), 1 член ВЛКСМ и 4 беспартийных, на III курсе — 6 чел.; из них 1 член ВКП(б) и 5 беспартийных. Эти цифры свидетельствуют о стремлении института оздоровить состав аспирантуры. Отсутствие надлежащего административного и идеологического руководства, наличие методологической борьбы среди научного состава института чрезвычайно влияли на успешность работы аспирантуры. Последняя, не чувствуя определенной организующей руки, разбрасывалась, заражалась нездоровой атмосферой, приучалась к поверхностному участию в методологических спорах, не втягивалась в глубокую органическую научную работу. Недостаточность стипендиальных средств вызывала стремление аспирантов заняться побочной работой, отсюда получалась перегрузка, влияющая на успешность работы.

Система подготовки аспирантов определялась созданием целого ряда семинаров.

Обращает на себя внимание неудовлетворительность работы семинаров по истории литературы и методологии литературы, руководимых проф. Переверзевым, которые почти не работали. Имеющиеся места заседания семинаров посвящались не непосредственно стоявших темам, а весьма далеким от тем семинара, главным образом вопросам проходившей литературоведческой дискуссии.

Руководство семинарами по диалектическому материализму находится в руках беспартийных руководителей-марксистов.

Регулярных выпусков аспирантов не было, а были эпизодические (в 1926 г.— 1 аспирант, в 1927 г. — то же, в 1928 г. — то же). Аспиранты готовились в институте втечение 4—5 лет. В последний год (1929 г.) аспиранты выпущены без представления диссертации. Диссертации ранее выпущенных аспирантов возникали стихийно, вне плана, страдали академизмом и оторванностью от актуальных проблем литературоведения (ни одна диссертация не была посвящена современной литературе).

На основе этих указаний институт приступил к реорганизации. Было решено, что основная работа института сводится к подготовке кадров; научно-исследовательской работы институт не проводит, поэтому все научные работники за исключением небольшого кадра, ведущего работу с аспирантурой, и передаются в ГАХН. На основе такой установки был составлен план работы института, который включал следующие моменты.

В целях улучшения социального состава признано необходимым принять в первую очередь партийцев, комсомольцев и беспартийных из числа рабочих и крестьян. В случае недостаточности их подготовки немедленно же по принятии, до развертывания общей учебной работы начать с ними работу по подготовке их к работе в семинарах, создав им временные индивидуальные планы. С началом работы семинаров они работают в них на общих основаниях, получая в то же время усиленное руководство. В период февраль — март предполагается развернуть кампанию по приему в институт, поставив об этом доклады в московских вузах, использовав печать и выпускников института, создать при институте совместно с МОСПС, литфаком I МГУ и ВОКП курсы по подготовке рабочих к поступлению на литфак (главным образом из числа

членов литкружков на предприятиях). С рабочими, поступившими на литфак, не терять связи, чтобы впоследствии подготовить их к поступлению в институт; из состава студентов литфака I МГУ включить практикантами в институт не менее 10 чел.— рабочих и крестьян по происхождению или партийцев, поручив работу с ними специально одному из научных сотрудников или действительных членов.

В области научно-учебной работы предполагается развернуть с аспирантами I курса семинары по методологии и диалектическому материализму, начав работу 15 октября; создать группы по языкам. В целях связи аспирантов с текущей литературной действительностью, в целях уяснения ими политики партии в области художественной литературы, в целях облегчения им перехода к научно-исследовательской работе на II курсе и для постановки на их обсуждение важнейших проблем тех научных дисциплин, по которым институт готовит кадры, предполагается поставить на пленумах института ряд докладов.

Для сокращения сроков подготовки и повышения качества аспирантов предполагается провести следующие мероприятия: 1) регулярно проверять работу аспирантов (через выступления на семинарах, через доклады, работу на заводе и т. д.) и исправлять ее в процессе работы; 2) усилить плановое начало во всей работе: аккуратное посещение семинаров аспирантами и руководителями; точное выполнение сроков докладов; точность в области общественной работы; 3) создать ударные бригады, провести соцсоревнование между семинарами, бригадами и отдельными работниками; 4) освобождать аспирантов за 2 недели до доклада от всех видов общественной работы и совместно с соответствующими организациями вообще распределять нагрузку равномерно и не перегружать аспирантов настолько, чтобы это мешало их учобе; никаких изъятий не допускать ни для каких категорий общественных работников, поскольку требования в смысле академическом не должны быть преуменьшены в отношении товарищей, занятых общественной работой; 5) вызывать на соцсоревнование Институт литературы и языка Комакадемии; 6) провести две конференции по итогам работы по подготовке кадров — в декабре 1930 г. и в июне 1931 г.

Общей задачей поставить осуществление подготовки не в 3, а в $2^1/_4$ года (выпуск к 1 января 1933 г.).

В области организации литературоведческого сектора намечено: создать общественно-политический совет в составе директора, ученого секретаря, 3 представителей аспирантов и научных работников института, представителей завода «Серп и молот» (количество — по усмотрению завода), 1 представителя ГАХН'а, 1 представителя РАПП'а, 2 представителей литфака (из числа выдвинутых практикантами), 1 представителя Института литературы и языка Комакадемии; в целях помощи местным вузам создать бригаду в составе специалистов по методологии, по русской и западной литературам, по языку, сделав 2 выезда на места (каждый выезд должен занять не более 9 дней, включая проезд); из числа членов общественнополитического совета выделить совет курсов по подготовке рабочих к поступлению на литфак I МГУ, дополнив его представителями слушателей.

По сектору кадров намечен следующий план: аспиранты III курса кончают к 1 января 1931 г. К выпуску готовятся 4 аспиранта. Эти товарищи к концу подготовки должны выполнить следующие работы: 1) написать план курса по методологии литературы (введение, общий курс, поэтика); 2) составить план курса по истории литературы (эпоха империализма, эпоха промышленного капитализма); 3) отработать практику в университете.

Планы курсов подлежат защите на пленуме, поэтому они должны быть представлены в сроки: один — 1 ноября 1930 г. и другой — к 15 декабря 1930 г.

В отношении оканчивающих предположено поставить в Наркомпросе вопрос о распределении оканчивающих аспирантов и иметь это решение к 20 декабря.

Сроком окончания подготовки аспирантов II курса считается 1 января 1932 г. План подготовки II года: 1) семинар по литературе эпохи империализма, 2) практика в университете, 3) план курса по истории литературы (эпоха промышленного капитализма, эпоха империализма) — не позднее апреля 1931 г.

Аспиранты III года работают в семинарии по эстетике, ведут самостоятельную работу в университете и готовят план курса по методологии (введение, общей, конкретной).

В отношении педагогической нагрузки аспирантов признана недопустимой большая педагогическая нагрузка аспирантов. Самостоятельная работа аспирантов II курса в вузах не освобождает от практики у профессора и должна проводиться под наблюдением последнего.

В сентября 1930 г. институт произвел прием аспирантов в количестве 28 чел., из которых 4 лингвиста и 26 литературоведов. По своему составу новый прием таков: всего — 28 (25 муж., 3 жен.), из Москвы — 9, из провинции — 19. По партийности: членов ВКП(б) — 3, ВЛКСМ — 8, беспартийных — 17. По происхождению: рабочих — 8, крестьян — 11, служащих — 5, прочих — 4. По национальности: русских — 25, украинцев-белоруссов — 1, евреев — 2.

По образованию: с высшим — 27, без высшего — 1.

По прежней работе: педагогов — 15, партработников — 2, из вуза — 9, переведенных — 2.

Если сюда добавить аспирантов II и III курсов, получается следующая картина: всего — 35 (30 муж., 5 жен.), из них на I курсе — 26, на II — 5 (2 в порядке перевода), на III — 4.

По партийности: членов ВКП(б) — 4, ВЛКСМ — 10, беспартийных — 21. По происхождению: рабочих — 9, крестьян — 15, служащих — 6, прочих — 5. По национальности русских — 30, украинцев-белоруссов — 2, евреев — 2, национальностей Востока — 1.

По специальности: русской литературы — 28, западной литературы — 2, лингвистов — 5.

Вновь принятые аспиранты приступили к работе в семинарах по методологии специальностей, по диалектическому материализму, в группах по языкам. Кроме того они втягиваются в исследовательскую работу ГАИС'а по различным ячейкам и группам.

Литературоведческий разряд института, слившись с литературной секцией ГАХН'а, образует новый сектор (разряд) литературы в ГАИС'е. Лингвистический разряд института выделяется и образует самостоятельный Московский научно-исследовательский лингвистический институт.

С организацией ГАИС'а и последняя функция института — подготовка кадров — переходит в об'единенный сектор кадров ГАИС'а, тем более, что опыт показал нецелесообразность проведения подготовки аспирантов вне исследовательской работы. Таким образом, Научно-исследовательский институт языка и литературы, просуществовав почти 10 лет в качестве самостоятельной единицы, ныне является одной из составных частей литературоведческого сектора ГАИС'а и основой самостоятельного Лингвистического института.

Редакционная коллегия: *П. И. Лебедев-Полянский, И. М. Нусинов, С. С. Динамов*

Ответственный редактор *П. И. Лебедев-Полянский*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

в журнале «Литература и марксизм» за 1930 г.

1. Статьи по методологии

Динамов С. С. — В. М. Фриче и проблемы марксисткой поэтики, кн. I, стр. 23—33.
Нусинов И. М. — Вопросы марксистского литературоведения, кн. IV—V, стр. 3—25.

2. Статьи по истории русской и западной литературы

Анисимов И. И. — Путь развития Маяковского, кн. III, стр. 3—23.
Архангельский В. Н. — Крылов как писатель, кн. IV—V, стр. 98—120.
Гаврилов Н. — Западное влияние в поэзии революционных разночинцев, кн. III, стр. 50—70.
Гельфанд М. С. — Из истории классовой борьбы в русской литературе XIX в., кн. IV—V, стр. 55—97.
Данилин Ю. И. — О «Бюг-Жаргале» Гюго, кн. II, стр. 95—109.
Денисов В. И. — Социологический анализ двух редакций «Пропавшей грамоты» Гоголя, кн. II, стр. 110—120.
Ефремин А. В. — Борьба за Некрасова, кн. II, стр. 46—73.
Нусинов И. М. — В. М. Фриче в борьбе за пролетарскую литературу, кн. I, стр. 8—22.
Нусинов И. М. — Неизданные работы В. М. Фриче, кн. I, стр. 34—37.
Серапионова З. Д. — Ранняя проза Гейне, кн. III, стр. 24—49.
Старенков М. П. — Многоголосый идеализм (о кн. Бахтина—Достоевский), кн. III, стр. 98—107.
Фриче В. М. — Шекспир (посмертная статья), кн. I, стр. 38—69.

3. Статьи по истории критики и общественной мысли

Гурштейн А. Ш. — Забытые страницы Огарева, кн. II, стр. 32—45.
Добрынин М. К. — В. М. Шулятиков, кн. VI, стр. 3—44.
Кирпотин В. Я. — Об изучении идеологий, кн. II, стр. 18—31.
Козьмин Б. П. — К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е годы, кн. IV—V, стр. 26—54.
Шиллер Ф. П. — Д. Б. Рязанов (к 60-летию со дня рождения), кн. II, стр. 3—17.

4. Статьи по фольклору и языковедению

Данилов Г. К. — Лингвистика и современность, кн. III, стр. 71—97.
Соболев П. М. — Образ фабрично-заводского рабочего в песенном фольклоре XIX в., кн. II, стр. 74—94.

5. Статьи по истории литературоведения

Добранов Ю. Н. — Евгений Соловьев-Андреевич и его попытки создать первую марксистскую схему истории русской литературы кн. VI, стр. 45—56.

Добрынин М. К. — Академик П. Н. Сакулин как историк литературы, кн. VI, стр. 75—85

Нечаева В. С. — Пушкиноведение сегодняшнего дня, кн. III, стр. 108—120.

Шиллер Ф. П. — Немецкая рабочая поэзия в ранний период германской социал-демократии, кн. IV—V, стр. 121—144.

Шиллер Ф. П. — Социологические течения в немецком литературоведении, кн. VI, стр. 57—74.

6. Библиография

Фриче Л. А. и Брейгбург С. М. — Библиография работ В. М. Фриче, кн. I, стр. 86—102.

7. Хроника

Ванаг Н. — Условия приема в аспиранты РАНИОН'а, кн. I, стр. 108—110

Добрынин М. К. — Государственная академия искусствознания (ГАИС), кн. VI, стр. 86—98.

Р. Р. — Выставка «Новая письменность народов СССР», кн. I, стр. 103—107.

8. Разное

Переписка В. М. Фриче с Е. А. Езерским, кн. I, стр. 70—85.

Резолюция Коммунистической академии о литературной концепции В. Ф. Переверзева, кн. I, стр. 3—7.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Редакция журнала «Литература и марксизм» доводит до сведения товарищей авторов-сотрудников, что помещаемые статьи не должны превышать $1^1/_2$ печатных листов. В случае превышения этого размера редакция оставляет за собой право подвергнуть принятые статьи сокращению.

Редакция

Год издания 2-й

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА КОМАКАДЕМИИ

Отв. ред. **П. М. Керженцев**

Задачи журнала: Журнал ставит своей задачей разработку проблем марксистского литературоведения, активную борьбу за проведение политики партии в области искусства, борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных тенденций в области искусства (идеализма, формализма, механистических концепций Переверзева, воронщины, остатков пролеткультовщины и лефовщины и пр.), разработку вопросов марксистской критики и художественного метода.

Отделы журнала: Методология искусствознания, языковедения и критики. Вопросы художественной политики. Художественный метод. Современная литература. Театр. Кино. Пространственные искусства. Музыка. Искусство союзных республик. Обзоры. Библиография. Хроника. За рубежом.

Журнал богато иллюстрирован. Часть иллюстраций на отдельных листах.

Журнал рассчитан на научно-исследовательские кадры работников искусства, литературы и языка, а также на практических работников в этой области, просвещенцев, вузовцев и кружковцев.

12 номеров в год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 75 к.,

отдельный номер—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра Огиза, Москва-центр, Ильинка, 9, во всех отделениях, магазинах и киосках Книгоцентра Огиза и на почте.

1 руб.

Библиотека ... Бюро книгообмена с заграницей ... Ленина

Государственное издательство художествен. литературы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 г.

ЛИТЕРАТУРА и МАРКСИЗМ

ОРГАН
РОССИЙСКОЙ
АССОЦИАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И
РЕЧЕВЫХ
КУЛЬТУР

РАНИМХИРК

Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский
Редколлегия:
И. М. Нусинов и С. С. Динамов

6 КНИГ В ГОД

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: Методология литературоведения. Поэтика. История литературы. Вопросы современной литературы. Критика и публицистика. Обозрения. Хроника научной жизни.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: Научная разработка вопросов теории и истории литературы, критики и публицистики с точки зрения марксистской методологии.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН: на преподавателей вузов, техникумов, институтов, рабфаков, трудшкол, студентов вузов и институтов, научно-литературных работников, писателей и др.

Подписная цена: на год—5 руб., 6 мес.—2 р. 50 к., отд. номер—1 руб.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ!

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Периодсекторе Книгоцентра Огиза — Москва-центр, Ильинка, 3; во всех отделениях, магазинах и киосках Книгоцентра; у уполномоченных, снабженных удостоверениями, и на почте. По Москве подписку направлять в Могиз, Неглинный пр., 9.